

ДМИТРИЙ

ТАЛАН

КРЫСА

ПОЛИТОВ

Пепел удачи

Дмитрий Политов

Пепел удачи

«Автор»

2010

Политов Д. В.

Пепел удачи / Д. В. Политов — «Автор», 2010

Капитан-лейтенант Егор Звонарев хорошо знал свой долг и исправно нес службу на борту космического крейсера «Московит». Командир крейсера, каперанг Надежин, был доволен службой каплея Звонарева. И все бы ничего, если бы отец Егора не попал в лапы имперской службы безопасности.

Обвинение было сфабрикованным, но кому от этого легче? Только не каплею Звонареву. Ведь он был офицером космического флота Российской Империи, который сражался с превосходно вооруженным флотом Демсоюза. И в самый разгар битвы появились гигантские звездолеты чужаков. И не ясно было, сохранят ли они нейтралитет или примут сторону одного из противников. Капитан-лейтенант не задавался такими вопросами, хотя от ответа на них зависела его судьба. И судьба Империи...

Содержание

Пролог	5
Часть I	7
1	7
2	15
3	21
4	27
5	33
6	37
7	43
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Дмитрий Политов

Пепел удачи

Пролог

А ведь вроде и поступить собирался так, как положено, но тягостное ощущение, что он все больше и больше становится подонком, почему-то не проходило. После мучительной внутренней борьбы старший смены, степенный немолодой прапорщик, все же вызвал на экран терминала адресную книгу и негромко – так, чтобы никто из подчиненных не услышал, – выругался в сердцах. Но сержант, расположившийся за столом по соседству, похоже, обратил внимание на его эмоции, ехидно улыбнулся и предложил с фальшивым дружелюбием:

– Если хотите, шеф, могу и я сообщить.

Прапорщик ответил ненавидящим взглядом, но промолчал. Он давно подозревал, что его подчиненный получает жалованье не только в их финчасти.

Грузовик, стоявший у ворот КПП, тем временем уже начал трогаться с места, негромко урча мощным движком. Дежурный проводил его тоскливым взглядом. Надо было определяться, поскольку в случае задержки доклада ему не миновать служебного разбирательства. Это в лучшем случае!

Офицер в потрепанном рабочем комбинезоне, сидевший рядом с водителем, поднял руку, салютуя часовому, и широко улыбнулся, не в силах сдержать свою радость. Его чувства легко объяснялись: выбраться в родной город на побывку после долгих месяцев, проведенных в стальной утробе крейсера, было великой удачей. Собственно, все уперлось в тот факт, что вдруг срочно понадобилось получить с флотского окружного склада снабжения кое-какие детали для текущего ремонта, отсутствующие в запасниках порта, а иначе куковать бы сейчас каплею вместе со всем экипажем на орбите, вылизывая корабль до зеркального блеска. И никого не волнует, что за время похода бесчисленные тренировки и занудные профилактики уже засели в печенках, лица соседей по кубрику обрыдли, а от нежного голоса корабельного компа тошнит. Таков порядок: сначала требовалось привести крейсер в норму, а уж потом... Потом для одних: «Здравствуй, родимый дом!» – а для других: «Трепещите кабаки и бордели – космофлот гуляет!»

Зная это, сладко замирали в предвкушении обильной выручки хозяева увеселительных заведений, наводили последний марафет шлюхи и... готовили для будущих постояльцев камеры в военной комендатуре полицейские. А то, что они обязательно понадобятся, не сомневались ни стражи порядка, ни сами потенциальные «клиенты».

Дежурный горько улыбнулся. Хоть и жаль было этого парня, но, как говорится, своя рубаха ближе к телу! Он решительно набрал номер и, дождавшись ответа, негромко проговорил:

– Прапорщик Исаков, второй пост. Разрешите доложить – только что от нас проследовала на окружной склад машина за номером 4-101-01. В ней вместе с водителем – ефрейтором Сазоновым – следует капитан-лейтенант Звонарев. Да-да, Звонарев... Тот самый, из ориентировки... Нет, у него оформлена служебная командировка на получение ремонтного оборудования... Так точно. Понял вас! – Он свернул экран коммуникатора и вновь тихонько выругался себе под нос. Сержант хотел было сказать ему что-то, но прапорщик глянул на него так, что тот буквально поперхнулся готовыми слететь с языка словами, покраснел и быстро отвернулся к своему экрану, делая вид, что график движения грузовых челноков с партией зерна за прошлый месяц является сейчас для него самым важным делом на свете.

Дежурный еще немного побуравил стриженный затылок подчиненного недобрым взглядом, в котором злость смешалась с бессилием, шумно выдохнул, отвернулся и, рассматривая бездумно взлетающие и опускающиеся на поле космопорта шаттлы, внезапно подумал о том, что уже давным-давно выслужил пенсию и, если бы не война, вполне мог бы уйти в отставку и уехать в одну богом забытую деревеньку со смешным названием Малая Дятловка, где вроде бы ждет его одна веселая вдовушка и никто пока слыхом не слыхивал о том, что творится на планете...

Часть I

Звонарев

1

Кондиционер грузовика был исправен, но Егор открыл полностью окно со своей стороны и с наслаждением вдыхал такой *настоящий*, такой *живой* воздух. Водитель, сухощавый ефрейтор, только весело хмыкнул в ответ на его поведение, но ничего не сказал. Он служил уже не первый день и навидался, как ведут себя на земле космолетчики после долгого похода.

А что вы хотите от людей, которые месяцами дышали мертвым, безвкусным воздухом, прошедшим не один цикл регенерации? Да для них обычный, даже слегка пахнувший промышленной гарью ветерок в это время слаще самого чистейшего горного! И смеяться над ними может только полный идиот. А таких на Лазарусе было немного. Практически в каждой семье кто-нибудь да связан так или иначе с космофлотом – служил нынче или раньше, непосредственно «на железе» или рядом с ним – и имел представление о специфике этой службы.

– Не продует вас, господин капитан-лейтенант?

– Что? – Звонарев с трудом выплыл из бездумного, расслабленного состояния. Боже, как же хорошо было снова оказаться дома и спокойно ехать вот так, никуда не торопясь, просто глаза на родные до боли пейзажи, по которым он, оказывается, неимоверно соскучился! И плевать, что через пару недель он будет точно так же безумно скучать по своему «Московиту» и рваться на борт, – сейчас Егор твердо намеревался использовать каждую секунду нечаянного отдыха на полную катушку.

– Я говорю, не продует вас? – деликатно улыбнулся водитель. – Вы же только-только после *пустоты*.

– А, понял. Нет, все хорошо – я перед поездкой от нашего дока полный пакет всех необходимых прививок получил.

Ефрейтор понятиливо кивнул и вновь сосредоточился на вождении, не желая больше попусту докучать офицеру. Видно же, что человек бог знает сколько времени в рейде был – вон какой бледный, – пусть себе отдыхает да греется на солнышке. И хотя водителя так и подмывало расспросить, как *там* нынче, узнать правду, а не ту фигню, которую крутят день и ночь по официальным каналам, ефрейтор решил, что вполне можно попробовать подкатиться с этим вопросом на обратной дороге, когда они поедут с грузом в порт.

Грузовик свернул с трассы, миновал блокпост – Егор пережил несколько весьма неприятных мгновений под прицелом тяжелых пулеметов мобильной платформы поддержки пехоты, пока система «свой – чужой» не опознала их, – и аккуратно покатыл по улочкам столицы. В ответ на недоуменный вопрос Звонарева ефрейтор торопливо пояснил, что, когда он утром ехал в космопорт, то видел, как чуть дальше перекрывали трассу для ремонта, а тут, дескать, он знает одну хитрую объездную дорожку, которая выведет их прямо к складам. В общем, все будет в лучшем виде – не извольте сомневаться, господин капитан-лейтенант! Егор рассеянно улыбнулся и согласно кивнул.

Они проехали пару километров, когда впереди нарисовалась небольшая пробка, и грузовик притормозил. Водитель, чертыхаясь, начал вслух клясть свою неосторожность за то, что решил проехать именно этой дорогой. Звонарев почти не прислушивался к его стенаниям, жадно рассматривая людей на тротуарах. Особенный интерес каплея вызывали, естественно, представительницы прекрасного пола – а как иначе? Тем более что по случаю теплой погоды многие из них были одеты довольно легко.

Вдруг офицер негромко вскрикнул. Водитель покосился, чтобы посмотреть, что это его так удивило, но тут же отвернулся и сделал вид, будто ничего не заметил. По улице, прямо по середине проезжей части, в окружении жандармов им навстречу шел невысокий человек в изодранной одежде, в которой с большим трудом угадывался некогда богатый мундир старшего офицера. Серое, изможденное лицо с отчетливыми следами побоев, усталые, пустые глаза, печально опущенные уголки губ – но привлекло Егора совсем не это. Он хорошо знал этого человека! Да и сложно, наверное, было найти кого-то в Империи, кто не знал бы его!

– Это же...

– Молчите, господин капитан-лейтенант! Молчите и делайте вид, что вам неинтересно! – негромко посоветовал ефрейтор краешком рта, старательно рассматривая витрину с садово-хозяйственным инвентарем на противоположной стороне улицы.

Звонарев очумело потряс головой. Ему казалось, что он смотрит какой-то дурацкий сон или же и вовсе является участником не менее дурацкого розыгрыша. Нет, ну не могло же быть на самом деле так, чтобы посреди бела дня вели под конвоем, словно базарного воришку, не кого-нибудь, а каперанга Фомина – героя сражения у Южного Креста! Офицера, бросившегося на изувеченном неприятельским огнем эсминце «Грозный» в самоубийственную атаку на авианосец противника и сумевшего повредить его двигатели, сорвав таким образом высадку вражеского десанта на Церебрус – столицу Империи. Правда, затем спохватившееся охранение перемолотило корабль Фомина в пыль, и никто и не думал, что кому-нибудь из экипажа эсминца удалось уцелеть. Спасательную капсулу с несколькими выжившими нашли вовсе уж чудом – в той страшной мясорубке, что творилась тогда, даже поврежденным кораблям не успевали оказывать помощь, и они сгорали в атмосфере, будто рождественские свечи, а здесь ничтожная, по меркам космоса, песчинка со слабосильным маячком.

Больше всего Егора добил тот факт, что прохожие шли по своим делам так, будто не происходило ничего экстраординарного. Люди скользили по конвою и арестанту равнодушными взглядами, в которых не отражались никакие эмоции. Звонарев ошеломленно дернулся было к клавише замка, собираясь выйти, но вдруг натолкнулся на чей-то пристальный взгляд и завертел головой, пытаясь определиться. С тротуара за ним пристально наблюдал невысокий черноволосый мужчина в штатском костюме, сидевшем на нем так, что сразу становилось понятно – военная форма для него куда как более привычна.

Встретившись глазами с Егором, он едва заметно отрицательно покачал головой, явно намекая, что капитан-лейтенанту лучше бы поумерить свой пыл и не совершать резких телодвижений. Темные глаза незнакомца смотрели с такой пронзительной и строгой властью, что Звонарев против своего желания остался на месте.

Страшная процессия тем временем миновала их грузовик, и водитель резко рванул с места, словно желая поскорее убраться подальше. Егор успел выглянуть, но незнакомец пропал, будто его и не было. Капитан-лейтенант откинулся на высокую спинку и крепко задумался.

Увиденное сильно потрясло молодого офицера. Нет, до него доходили смутные слухи, что на Лазарусе происходит нечто странное, но полной картины событий ни у кого на «Московите» не было. Военная цензура бдительно отслеживала все сообщения, идущие по системе дальней связи, а особист на самом крейсере тщательно просматривал весточки от родных и близких, которые изредка доставлял почтовый курьер.

Пожалуй, и сейчас Егор не был готов сказать, что видит нечто совсем уж необычное. Да, Новограев изменился, но для города, находящегося на планете Империи, ведущей боевые действия, все эти изменения укладывались в рамки допустимого. Естественно, на улицах прибавилось людей в форме, появились блокпосты на въезде-выезде, вооруженные патрули придирчиво проверяли документы, на дорогах то и дело встречались колонны боевой техники, а в небе раз за разом проносились хищные тени атмосферных истребителей. Ну, так на то она и война. Но вот водить по улицам, словно напоказ или для устрашения, вчерашних героев этой

самой войны... нет, это никак не укладывалось в сознании каплея. Виноват? Судите! А глумиться над офицерами нельзя!

Флот вообще всегда очень ревниво относился к попыткам других государственных структур замахнуться на его права и готов был отстаивать их всеми доступными средствами, предпочитая наказывать виновных космолетчиков через систему собственных военных судов и трибуналов. А если учесть, что каждый корабль в силу особых условий постройки и комплектования и так фактически являлся своеобразным «государством в государстве», то вмешательство посторонних в его внутреннюю жизнь было практически исключено. Звонарев даже не мог себе представить, какие обвинения должны были выдвинуть в адрес Фомина, чтобы его передали в руки жандармского управления Лазаруса.

Все то время, пока они ехали до склада, Егор размышлял над этим вопросом, но так и не смог внятно сформулировать для себя приемлемую версию, хоть как-то объяснившую бы увиденное. Не в заговоре же против царствующей фамилии оказался замешан бравый каперанг?! Да и тогда вряд ли бы его так свободно водили по улицам – упекли бы в особую дворцовую тюрьму и допрашивали бы там с пристрастием, бывали прецеденты... Ерунда какая-то, в общем!

Можно было, конечно, попробовать спросить у водителя, но Звонарев почему-то сильно подозревал, что ефрейтор вряд ли станет откровенничать с ним на эту тему. Да и сам факт беседы офицера с нижним чином о судьбе представителя высшего командного состава флота не вызывал у Егора положительного отклика. Поэтому он решил как можно скорее пересечься с кем-нибудь из служивших на планете приятелей и попытаться выяснить для себя все нюансы творившегося.

На склад они попали в самый разгар трудового дня. От обилия грузовых транспортов, тучи снующих туда-сюда каров, уходящих за облака штабелей ящиков и паллет со снаряжением, надсадной ругани кладовщиков, грузчиков и водителей могла пойти кругом голова. Немудрено, что Звонарев, отвыкший за время похода от наземных реалий, растерялся и потерянно крутил головой, пытаясь понять, куда ему обратиться со своей заявкой. Выручил его водитель: сжалившись над каплеем, он взял у него бумаги и ужом ввинтился в плотную очередь, раскинувшуюся от дверей небольшого двухэтажного офиса, помогая себе, где надо, то шуткой, то веселым матерком. Вскоре он вышел на улицу вместе с полноватой, но чрезвычайно миленькой девушкой в полевой форме с погонами мичмана. Она весело смеялась над тем, что нашептывал ей на ухо ефрейтор, демонстрируя окружающим зазорные ямочки на щеках.

– Это вы с «Московита»? – обратилась она к Егору, подойдя к машине. – Я посмотрела заявку, мы подготовим все необходимое примерно минут через сорок, максимум час, так что можете пока отдохнуть в кафешке, – она махнула рукой в сторону небольшого павильона с террасой, где расположились под навесом ожидающие своей очереди. – А потом вас вызовут и укажут, к какому отгрузочному пандусу подгонять машину. – Она ловко провела сканером по бляхе пропуска, выданного Звонареву на въезде, и сделала какую-то пометку в своем ручном терминале.

– Да я все господину офицеру расскажу, Зиночка! – умильно заголосил водила, фамильярно приобнимая ее за талию. – Лучше скажи, когда же ты наконец перестанешь меня мучить и ответишь согласием на приглашение отужинать?

– Иди, Сазонов, не безобразничай и не мешай работать, – со смехом шлепнула его по руке девушка. – Много вас здесь таких – с каждым не встретишься! А вы, господин капитан-лейтенант...

– Звонарев. Егор Звонарев, – учтиво поклонился ей офицер.

– Да-да, Звонарев. Заполните, пока будете ждать, вот эти документы, – мичман протянула Егору прозрачную папочку с небольшой стопкой каких-то бумаг. – Таков порядок, – с извиня-

ющейся улыбкой сказала она, видя поскучевшее лицо собеседника, повернулась и направилась в сторону склада, негромко наговаривая что-то на ходу в усик микрофона.

– Богиня! – восхищенно причмокнул ей вслед ефрейтор. – Честное слово, если бы уже не был женат, то я бы с ней... ух!

– Ладно, хватит травить, – улыбнулся Егор, – у тебя небось на каждом складе по такой богине?

– Ну вот, и вы туда же, господин капитан-лейтенант! – притворно обиделся водитель, но не выдержал и тоже засмеялся. – На всех, не на всех, но на тех, где надо, – обязательно! А как же – представляете, сколько бы я иначе в очередях торчал? Да с меня завгар мигом шкуру бы спустил, а помпотылу ему бы еще и помог.

– Да шучу я, шучу! Скажи-ка мне, братец, лучше вот что – мы никак не успеем сейчас ко мне домой на минутку заскочить? А документы я бы по дороге заполнил.

– Домой, – задумался ефрейтор. – А куда именно?

– Здесь рядом, по Владимирскому тракту пара километров от города. Я бы только своим живую показался и сразу назад?

– Угу, – начал что-то прикидывать в уме водитель, – отсюда мы туда минут за пятнадцать должны добраться, кладем еще двадцать на ваши дела, и после обратно... В принципе, успеваем, господин капитан-лейтенант. Вот только... что патрулю скажем, если остановят – путевка-то у меня только сюда и в порт оформлена? Они ж по базе в момент проверяют.

Звонарев ухмыльнулся.

– Ну, это не проблема – мне начальник по такому случаю дополнительную командировку выписал. Не придерешься, все чин по чину – краткосрочное посещение объекта по адресу такому-то в силу служебной необходимости! И адрес моего дома.

– Что, прям так и написал? – недоверчиво спросил Сазонов. – Эх, повезло вам с командиром! – Он завистливо вздохнул. – От нашего и простой увольнительной не допросишься!

– А то! – Егор нетерпеливо глянул на часы. – Так что, рванули?

До усадьбы Звонаревых долетели даже быстрее, чем предполагал водитель, – всего минут за десять. Просто трасса в ту сторону была на удивление свободной.

Егор, быстренько разобравшись со складскими документами, возбужденно постукивал ладонью по металлу двери, словно желая подхлестнуть грузовик, чтобы он мчался побыстрее. Сазонов посматривал на него искоса с необидной усмешкой.

Когда среди зелени большого сада показались белые, под красной крышей, стены родного дома, Егор почувствовал, как спазмом перехватило горло, а глаза как-то подозрительно защипали.

– Слава богу, добрался! – с чувством произнес он, сняв фуражку, и истово перекрестился, повернувшись лицом к небольшой церквушке, скромно расположившейся в тени высоченных акаций, неподалеку от распахнутых настежь ворот.

Но уже в следующее мгновение он вдруг понял: здесь что-то не так. Ворота! Как же он сразу-то не сообразил – с каких это пор они раскрыты, будто хозяева приглашают всех встречающих в гости? Насколько он помнил, никаких семейных праздников или памятных дат сегодня не было. Он родных о своем визите не предупреждал, решив устроить сюрприз, значит... значит, он совершенно не понимает, что происходит!

– Притормози! – приказал он внезапно охрипшим голосом и полез в бардачок, куда забросил ремень с кобурой. Ефрейтор ошалело взглянул на него, но послушно остановился.

– А что случилось, господин капитан-лейтенант?

– Пока не знаю, – напряженно ответил Егор, щелкая предохранителем офицерского лучевики, – но сейчас выясним. У тебя оружие есть?

– Конечно! – Водитель откинул декоративную панель на внутренней стороне двери и извлек из появившейся ниши десантный вариант штурмового автомата. – Думаете, засада? –

Он напряженно озирался по сторонам, механически, не глядя, проверяя готовность оружия к стрельбе. – Может, бандиты какие? Мне недавно свояк – он в городской полиции служит – рассказывал, что в окрестностях города мародеры появились. Из числа дезертиров, значит.

– Помолчи. Давай потихоньку к дому, а там разберемся... И окно закрой – мало ли что.

Сам Звонарев уже поднял толстое стекло, отгораживаясь от внешнего мира, из которого так неожиданно повеяло скрытой угрозой. Егор набрал домашний номер на ручном коммуникаторе, но ответа не было.

Машина не спеша подкатилась прямо к высокому крыльцу и остановилась. Звонарев со все нарастающим беспокойством смотрел на входную дверь, которая была слегка приоткрыта. Не услышать шум подъехавшего тяжелого армейского грузовика домашние и прислуга не могли, но почему же тогда никто не выходит его встречать? По спине пробежал легкий холодок. Все чувства буквально вопили, что впереди его ждет опасность. Егор еще раз попробовал вызвать родных. Безуспешно. Дом будто вымер.

– Сейчас я выйду и попробую зайти внутрь, а ты меня, если что, прикрой. Понял? – Ефрейтор пару раз сморгнул и быстро-быстро закивал. Было видно, что водитель отчаянно трусит, и Звонарев постарался его успокоить, чтобы солдат не натворил какой-нибудь глупости: – Да не дрожи ты так, пехота! Все будет нормально. Если бы тут кто чужой похозяйничал, мы бы уже следы какие-нибудь заметили, верно? – В принципе, отмазочка была так себе, но ничего более умного Егору в голову не пришло. Однако ефрейтор несмело улыбнулся.

– И то верно!.. Так что не извольте сомневаться, господин капитан, все понял!

Звонарев усмехнулся ошибке солдата в своем чине, глубоко вздохнул и решительно распахнул дверь.

Снаружи было тихо. То есть, конечно, пели птицы, шумели листвой деревья, тоненько посвистывал в кровле ветерок – не было только шума от деятельности человека или каких-нибудь механизмов. Разве что где-то вдалеке был слышен далекий гул с трассы да в вышине промчался вертолет.

Звонарев осторожно, чуть пригнувшись, подошел к крыльцу, старательно оглядываясь по сторонам. Лучевик он держал на изготовку, чтобы пустить его в ход при малейшей опасности. Конечно, Егор не был крутым десантником, который в одиночку может разнести в пух и прах небольшой городишко, но все же командир БЧ-2 тяжелого крейсера «Московит» знал, как следует себя вести в бою – ситуации на войне бывали разные, и случалось так, что за оружие приходилось браться буквально всему экипажу.

Вдруг ему показалось, что за стеклом входной двери мелькнула чья-то тень... И вроде бы женская.

– Мама? – негромко позвал Егор.

Невидимый луч парализатора обрушился на него настолько внезапно, что Звонарев даже не успел вздохнуть как следует. Последнее, что он увидел, прежде чем потерял сознание, были солдаты в боевой броне с эмблемами полицейского спецназа, выскакивающие из дома и бегущие к нему.

* * *

...Мощный фонарь, закрепленный между двух булыжников, упирался широким лучом в низкий потолок пещеры. Свет как будто струился по стенам. Их геометрически правильная и ровная поверхность сразу же выдавала вмешательство горнопроходческих машин.

Но мужчине, который задумчиво курил, удобно устроившись на здоровенном плоском камне неподалеку от берега круглого подземного озера-колодца, было абсолютно наплевать на данное обстоятельство. Он и так прекрасно знал, что и эта, и несколько соседних пещер,

и все, что было в них, появились не в результате труда матушки-природы, а стали плодом деятельности разумной расы.

...Правда, не человеческой...

...В толще воды, насыщенно-изумрудной – такой она выглядела сейчас, – но при этом удивительно прозрачной, вдруг появилось светлое пятно. Сначала оно было совсем маленьким, но постепенно стало увеличиваться в размерах, и мужчина, заметив это, неловко поднялся, отбросил окурок в сторону, сделал несколько энергичных движений, чтобы разогнать кровь в затекших от долгого сидения мышцах, и подошел к берегу.

Он слегка наклонился вперед, цепко отслеживая каждое движение медленно поднимающегося к поверхности водолаза. Теперь это можно было определить совершенно точно – силуэт человеческой фигуры, облаченной в скафандр, отлично просматривался даже при не слишком хорошем внешнем освещении. Наверное, потому, что в шлеме водолаза имелся свой собственный фонарь.

Вода практически без всплеска разошлась, и над мгновенно покрывшейся рябью побывавших кругов поверхностью показался сферический шлем с зеркальным лицевым щитком. Мужчина на берегу недовольно прикрылся рукой, когда световой луч полоснул его по лицу. Водолаз, заметив это, поспешно отключил свой фонарь и неторопливо поплыл к нему, лениво шевеля огромными, похожими на хвосты диковинных рыб ластами. Небольшие волны сразу же разошлись во все стороны, с тихим плеском ударяясь о стенки колодца. Подплыв вплотную, водолаз поочередно снял с ног ставшие ненужными ласты и положил их на самый край берега.

– Руку! – мужчина, ничуть не боясь испачкаться или промокнуть, опустился на одно колено и протянул ладонь водолазу. Тот, замешкавшись на мгновение, крепко ухватился за нее, подтянулся и выбрался на землю. Мужчина помог ему встать и тут же принялся стягивать с него многочисленное снаряжение – ранец с дыхательной смесью, громоздкий пояс с несколькими подсумками, кобуру подводного пистолета.

Водолаз немного повозился с застежками у горла и устало потянул шлем вверх, открывая лицо.

– Как ты? – с сочувствием спросил мужчина. – Сильно устала?

– Нормально, – еле слышно отозвалась молодая женщина, сбрасывая с головы капюшон водолазного костюма и встряхивая короткими, слипшимися от пота русыми волосами. – Вроде бы все удалось. Пришлось, правда, в самом конце немного повозиться – никак эта проклятая система не хотела меня идентифицировать как свою, но я ее все же уломала. Самое смешное, разберись я с ней чуток пораньше, так не надо было бы тратить столько времени на спуск груза – у них там, оказывается, имеется что-то вроде небольшой подъемной платформы. Она где-то, – женщина повернула голову и, прищурившись, оглядела пещеру, – во-он там находится, где выступ небольшой, видишь?

– Да, обидно, – отозвался мужчина. Он наконец-то отстегнул последнюю из деталей внешней экипировки, бросил ее к остальному снаряжению и вопросительно взглянул в лицо собеседнице. – То есть ты включила охрану?

– Ну да. – Женщина, неловко косолапя, подошла к тому самому камню, где до этого ждал ее возвращения мужчина, и села, с наслаждением вытянув ноги. – Занесла все внутрь, разобралась, что к чему, и включила. Течение у дна очень сильное, постоянно сносило вбок, – пожаловалась она, – того и гляди, напоролась бы прямо на их капсулу... Бр-ррр, какая же гадость! – женщина зябко повела плечами. – Вот сколько, казалось бы, их видела, а все равно каждый раз до одури пугалась! Особенно того, который возле иллюминатора лежит – все время думала, что он вот-вот глаза откроет!

– Серьезно? Неужели настолько живой? – засмеялся мужчина.

– Не веришь?! – обидчиво вскинулась женищина. – Я же тебе показывала запись! Они, в самом деле, словно только вчера погибли.

– Верю, верю! – ухмыльнулся мужчина, подходя ближе. – Но ты же понимаешь, запись – это одно, а личное присутствие – совсем другое.

– Это точно, – женищина успокоилась так же быстро, как вспыхнула, и опустила взгляд. – Там все время кажется, что рядом с тобой находится кто-то. Постоянно это давящее ощущение чужого взгляда в спину, а повернешься – никого!

– Ладно, это уже в прошлом, – мужчина успокаивающе провел рукой по ее щеке. – Все уже закончилось. – Он немного помолчал, а затем небрежно спросил: – Скажи, а какой код ты ввела?

– Код? – женищина непонимающе посмотрела на него. – Ах да, код. Давай покажу. – Она взяла в руки небольшой электронный планшет, вывела на экран длинную строчку замысловатых рисунков-иероглифов, внимательно просмотрела их и отметила несколько световым пером. Мужчина внимательно наблюдал за каждым ее движением.

– Последовательность именно такая? – уточнил он.

– Да, – вздохнула женищина, передавая ему планшет. – А где Сергей, почему его здесь нет?

– Я отправил его за тележкой, – рассеянно отозвался мужчина, изучая запись. – Сейчас придет, должно быть.

– Хорошо, пойду тогда все соберу и уложу.

– Давай.

Женищина с тяжелым вздохом поднялась и направилась к своему снаряжению. Мужчина еще какое-то время смотрел на экран, затем аккуратно погасил изображение, закрыл планшет, убрал его во внутренний карман своей короткой куртки офицерского образца и тщательно застегнул клапан. Повернувшись, он бросил короткий взгляд на женищину, собирающую разбросанную на полу водолазную амуницию, и медленно подошел к ней.

– Я уже почти готова. – Она подняла на него глаза. – Помоги мне уложить ранец, пожа... Что ты делаешь?! Не надо!!! – Ее лицо исказила гримаса дикого ужаса. В следующую секунду голова женищины взорвалась и разлетелась на куски. Тело медленно покачнулось и с шумным плеском упало в воду. Вокруг того места, где раньше была голова, сразу же расплзлось тяжелое облако мутной кровавой взвеси. Труп очень медленно стал опускаться на дно.

Мужчина чертыхнулся, достал из кармана платок и тщательно стер кровь, попавшую ему на лицо. Чуть-чуть подумал, а затем быстро перекидал все собранное женищиной снаряжение в воду, совершенно не обращая внимания на то, что он, собственно, выбрасывает. После этого энергичной походкой двинулся к выходу из пещеры, скрылся в темном проходе, но уже через несколько минут вернулся, тяжело волоча за ноги тело крупного парня в камуфляжной форме, за которым тянулся темный след.

С пыхтением он подтащил убитого к берегу и, поднатужившись, спихнул в воду. Покончив с этим, мужчина немного посидел, отдыхая, а затем не торопясь обошел с фонарем всю пещеру, придирчиво заглядывая в каждый уголок. Все, что обнаружилось, – запасные патроны с дыхательной смесью, бухта тонкого троса, несколько магнитных креплений и кое-какие иные мелочи – тут же отправлялось на дно безо всяких раздумий.

На озерцо мужчина взглянул только перед уходом. Тело женищины опустилось уже довольно глубоко и просматривалось в помутневшей воде не слишком хорошо, а вот труп парня плавал у поверхности, словно и не желая тонуть. Мертвец лежал в воде лицом вверх, разбросав руки в стороны, а его широко открытые, навсегда замершие глаза слепо уставились в темный камень потолка.

Мужчина вздрогнул. На мгновение ему показалось, что убитый смотрит прямо на него. Смотрит так, будто следит, и почему-то пришло осознание того, что этот неживой взгляд теперь будет преследовать его всю оставшуюся жизнь. Мужчина негнущимися пальцами

достал пистолет и несколько раз торопливо выстрелил в застывшее лицо парня, словно стараясь прогнать, стереть наваждение, убрать навсегда страшный взгляд, хотя и знал, что вряд ли это поможет.

– Я знаю, вы меня никогда не простите, – дрогнувшим голосом произнес он. – Что ж, наверное, так мне и надо! – Он размашисто перекрестился, повернулся и ушел, ни разу больше не оглянувшись...

2

Наиболее часто встречающейся реакцией организма на антидот, нейтрализующий действие парализатора, была сильнейшая рвота. По крайней мере, так гласило одно из примечаний, набранное мелким шрифтом в секретной инструкции по его применению.

Впрочем, даже если бы Егор читал это наставление и знал о столь неприятном факте, вряд ли ему сейчас стало бы от этого легче. Тело, завязанное судорогой в тугой узел; дикая резь в желудке; красная пелена перед глазами; тупая боль, пронзившая ржавыми гвоздями виски и затылок... и противный, резкий запах желчи, которая через силу выплескивается из рта – завтрак давно уже проследовал в направлении «на выход», и чего-нибудь посущественней просто нет, – все это способствовало тому, что в голове настойчиво билась о черепушку единственная мысль: скорей бы сдохнуть!

А тут еще какие-то два идиота встали прямо над ним и о чем-то спорят. Неужели трудно было найти для своей беседы другое место? И как же противно несет обувной мазью от их ботинок! Эх, жаль, что невозможно повернуться к ним и высказать все, что он думает по этому поводу!

Очередной спазм вновь скрутил его, и в сознание проникали только обрывки чужого разговора, прерывающегося то и дело хекающими звуками. Звонарев не сразу понял, что издает их он сам.

- ...лучше вызвать представителя из военной комендатуры? Офицер все же... епархия?..
- ...перестаньте... видели его документы, сержант?.. С виду бродяга бродягой!..
- ...наш сканер считал данные с его чипа. Капитан-лейтенант... «Московит»...
- ...поручиться, что чип не поддельный или он не снял его с трупа настоящего Зво...
- ...водитель и грузовик?..
- ...удивляете, сержант! Сообщник, разумеется!..
- ...похоже, очухался!..

Уф, наконец-то полегчало! Егор с радостью понял, что организм перестал бунтовать и он вполне способен разогнуться. Он сплюнул последний сгусток желчи и глубоко вздохнул, собираясь с силами. Сейчас посмотрим, кто это тут такой деловой – каждый младенец знает, что использовать чужой идентификационный чип просто невозможно, настолько он завязан на своего владельца, отслеживая практически все биометрические параметры его организма и даже метаболизм!

Капитан-лейтенант со стоном перевернулся, помогая себе дрожащими руками, и сел. Перед глазами плавали разноцветные мошки, и он потратил какое-то время на то, чтобы сфокусировать взгляд. Спустя пару минут это удалось. Хорошо еще, что люди, разговаривавшие рядом, наконец-то заткнулись и не отвлекали его своей пустопорожней болтовней.

Он по-прежнему находился возле крыльца родительского дома, примерно в паре метров от чужой машины. Повернувшись, Звонарев с нехорошим удивлением обнаружил, что находится под присмотром вооруженных до зубов полицейских в боевой броне, общим числом около десятка. Целое отделение.

Бойцы расположились перед ним полукругом. Большая их часть присматривала за окрестностями, но двое или трое контролировали Звонарева. Лицевые пластины их массивных защитных шлемов были опущены и затемнены, но каплей буквально кожей чувствовал, что они внимательно отслеживают все его вялые телодвижения и готовы вмешаться, если того вдруг потребует ситуация. Чуть поодаль, у передней левой дверцы грузовика, насколько мог видеть Егор со своего места, валялся водитель-ефрейтор. Парень, в отличие от него, еще не пришел в себя, и капитан-лейтенант от души посочувствовал бедняге, зная на собственном горьком опыте, что его ждет впереди.

Где же эти болтуны? А, вот они – чуть правее. Хмурый верзила – его шлем был открыт – со знаками различия сержанта полиции на защитных доспехах, баюкающий в руках тяжелый излучатель, и – еще один «радостный» сюрприз! – светловолосый старлей в мундире с васильково-синими, жандармскими петлицами, лениво постукивающий тонким прутиком по высокому голенищу начищенного до зеркального блеска сапога.

Они внимательно рассматривали его, но с совершенно разными чувствами. Если сержант явно был недоволен тем, что происходит, то серые глаза жандарма светились настолько искренним и радостным любопытством, что Звонарева чуть было снова не замутило – настолько сильно повеяло на него фальшью.

– Вы в состоянии говорить? – угрюмо поинтересовался сержант.

– Д-да, – хрипло выдохнул Егор. – Что здесь происходит?

Полицейский замешкался с ответом и вопросительно глянул на старлея. Но тот продолжал молча рассматривать Звонарева и говорить что-либо пока, похоже, не собиравшись.

– К нам поступило сообщение о том, что на территорию усадьбы проникли посторонние, – нехотя сообщил сержант. – А поскольку речь шла о том, что нарушители, возможно, вооружены, то мы были вынуждены применить парализатор. Не могли бы вы назвать себя?

Егор закашлялся.

– Дайте воды. – Полицейский секунду помедлил, но все же кивнул кому-то из своих подчиненных. Один из бойцов подошел к капитан-лейтенанту и сунул ему в руки плоскую солдатскую флягу. Сначала Егор тщательно прополоскал рот, сплюнул ставшую мгновенно темной воду, а затем надолго припал к узкому горлышку. Звонарев жадно пил теплую безвкусную жидкость, с наслаждением ощущая, как с каждым глотком прибавляются силы и перестает противно саднить в желудке, словно во фляге был целебный отвар, а не простая вода.

Он и не заметил, как выпил все. Звонарев с сожалением потряс опустевшую фляжку и вернул ее спецназовцу. Тот молча забрал ее и отошел на прежнее место.

– Капитан-лейтенант Звонарев. Тяжелый ударный крейсер «Московит», вторая эскадра космофлота. Личный номер 85188 дробь 173... Что здесь происходит, черт возьми?! Эти данные вы могли получить напрямую с моего чипа, а если вдруг засомневались в его подлинности, – Егор постарался, насколько это было возможно в его теперешнем состоянии, добавить в голос язвительности, – то запросили бы флотскую систему идентификации. Да, и не надо вешать мне лапшу на уши насчет сигнала – как вы оказались в доме раньше, чем мы въехали на территорию усадьбы? И где мои родители?

– Ну-ну, не надо так нервничать, – вступил в разговор жандарм. – Вам сейчас это не пойдет на пользу – опять может скрутить. Так что расслабьтесь и говорите спокойно, хорошо?... Вот и славно! Так вот, отвечаю на ваш вопрос, господин капитан-лейтенант. Все очень просто – мы уже *были* здесь, поэтому сообщение о том, что некие подозрительные личности находятся на территории, застало нас не в управлении, а в доме. Понятно?

– Не очень! – с вызовом ответил Егор, поднимаясь на ноги и начиная отряхиваться. В конце концов, он не собиравшись лебезить перед этим держимордой из охраны. – Я так и не услышал, где мои родные и что вы тут вообще забыли?

– Помилуйте, – удивленно захлопал ресницами старлей, – а как же иначе? Я же должен обязательно присутствовать при описи имущества, отходящего в распоряжение короны, – таков порядок.

– Что за чушь, какая еще опись? Вы можете наконец объяснить все более внятно, *господин старший лейтенант!* – Последние слова Егор протянул с чувством великолепнейшего презрения к обладателю этого звания. Жандарм, естественно, уловил это, но не подал и виду, что обиделся.

– Опись? Да самая обычная – опись имущества, – он чуть помедлил, явно наслаждаясь моментом, – государственных преступников!

Звонарев так и застыл с открытым ртом. Егору показалось, что он ослышался, что это все последствия действия парализатора, что вот сейчас все разъяснится... но жандарм, сбросив маску дружелюбия, смотрел на него с такой откровенной издевкой и превосходством, что капитан-лейтенант с тоскливой обреченностью понял – правда!

Только что он услышал правду! Но... как это может быть?!

– Погодите-ка, – Егор потер лоб, стараясь собраться с мыслями. – Но ведь отец, он... он...

– Что – «он»? – глумливо ухмыльнулся жандарм. – Дворянин, кавалер, депутат и прочая, прочая, прочая? Так это теперь все в прошлом! А нынче он всего лишь арестант с казенным номером, и больше ничего! Равно как и мамаша твоя... летун!

– Ах ты, мразь! – задохнулся Егор и, не отдавая себе отчета, бросился на старлея. Но добраться до улыбающегося мерзавца Звонареву не удалось – один из спецназовцев молниеносно шагнул ему наперерез и коротко двинул прикладом автомата в плечо. Удар, пусть даже и не усиленный экзоскелетными мышцами брони, все равно был настолько силен, что капитан-лейтенанта отбросило далеко назад, и он со всего размаха врезался в радиатор грузовика. Другой бы мог запросто получить перелом позвоночника, но видоизмененные – для лучшего перенесения полетных перегрузок – кости выдержали. Хотя все равно боль была адской. Боец подскочил к упавшему на землю Звонареву и наступил ему на горло, не позволяя сдвинуться с места. Черный зрачок автомата уставился Егору в лицо, недвусмысленно давая понять, что дальнейшие попытки сопротивления будут пресечены еще более жестким образом.

– Да успокойся ты, Федотов, так недолго и приклад расшибить! – досадливо бросил сержант. – А вы, господин старший лейтенант, – он повернулся к жандарму, – не провоцировали бы парня. Все же он-то преступником не объявлен.

– *Пока* не объявлен! – многозначительно уточнил жандарм. – Но в любую минуту все может измениться.

– Ну, вот когда изменится, тогда и поговорим с ним по-другому! – решительно подытожил полицейский. – Федотов, подыми каплея, отведи в дом – умыться, а после вместе с Джубановым проводите его до космопорта. Да, кто-нибудь, водителю кольните антидот – пускай тоже просыпается.

Егор оттолкнул протянутую ему руку и поднялся самостоятельно. В голове шумело, а перед глазами снова – давненько не было! – плавали разноцветные круги. Он твердо решил держать себя в руках и не давать больше этому ублюдку повода для продолжения расправы. Ничего, только бы до «Московита» добраться, а там можно будет обратиться к командиру и попытаться разобраться в этом кошмаре.

Уже поднимаясь по ступенькам, Звонарев вспомнил кое-что.

– Я могу забрать из дома свои вещи? – холодно осведомился он, глядя поверх ненавистной физиономии старлея. Тот отвлекся от разговора с сержантом и косо глянул в его сторону.

– Свои вещи? Ах да, документы, парадный мундир, комплекты обмундирования, наградное оружие, ордена... Сколько там у нас всего по описи? – он сверился с данными по ручному терминалу. – Вот, нашел! Двести пятьдесят семь единиц... Богато живем, каплей! Можно бы и поскромнее. Ну да ничего, скоро вам всем такой окончательный расчет сделаем, что мало не покажется... *элита*! – Глаза жандарма вспыхнули фанатичной ненавистью, а лицо перекосила злобная гримаса. Егор невольно вздрогнул – настолько поразили его эти слова. Но старлей уже справился со своей вспышкой ярости и вновь натянул маску дружелюбия. – Все ваши вещи будут отправлены в космопорт, в военную комендатуру. Завтра можете получить их там. Честь имею!

Да, не так, совсем не так представлял себе Егор возвращение домой! Во время изнурительных вахт он мечтал, как нагрянет неожиданно, приведя родителей в смятение, как станет притворно сердиться из-за этого отец, подозрительно заблестев глазами, как всплеснет руками плачущая от радости мама...

А после будет богатый стол, шумная компания родных и друзей, длинные тосты, смех, песни под гитару, бесконечные – до самого утра – разговоры на веранде. Душистые клубы дыма в курительной комнате – он отвык от сигар, и голова теперь так сладко кружится! Черный крепчайший чай с маленькой долькой лимона в любимой пузатой кружке; шутивное ворчание матери и требование: «Да дайте вы наконец мальчику отдохнуть!»... и ее смазанный в темноте силуэт, когда она тихо зайдет к нему в комнату, чтобы поправить одеяло, и будет долго стоять в дверях...

Но вместо этого он идет по родному дому, оскверненному бесцеремонным чужим присутствием, и то и дело натывается на следы деятельности новых «хозяев». Распахнутые настежь двери шкафов; выдвинутые ящики столов; бумаги на полу со следами чьих-то ног; монотонно наговаривающий что-то в диктофон следователь в казенном мундире; испуганные лица прислуги, записанной, судя по всему, в понятия; он сам, идущий в сопровождении полицейского, точно под конвоем. Отличное получилось возвращение, что и говорить. Радостное!

Неловко ссутулившись, Звонарев торопливо прошел по широкой лестнице наверх, в свою комнату. Хотя какая она теперь, к черту, своя!

Здесь тоже все было перевернуто вверх дном. Звонарев словно со всего размаха врезался в невидимую стену, когда увидел на полу безжалостно растоптанную модель родного крейсера, преподнесенную ему пару лет назад на день рождения совместно комендорами и «пускачами». Но больше всего Егора добила почему-то длинная трещина, уродливой змеей проползшая по всей ширине зеркала в ванной комнате.

– Это-то зачем? – угрюмо спросил он у безликого полицейского, застывшего огромным черным истуканом в распахнутых дверях. Тот едва заметно дернул плечом, но промолчал. Звонарев немного подождал, но понял, что ответа не будет, длинно выругался и отвернулся. Безумно захотелось побыстрее уйти, покинуть это место, которое в одно мгновение стало для него чужим.

Пересиливая внезапно нахлынувшую брезгливость, Егор все же тщательно умылся, наспех почистил комбез, долго отмывал ладони едким гелем, причесал волосы, рассматривая свое изломанное отражение в разбитом зеркале, и некстати подумал о том, что это плохая примета. Рассердился на себя – куда уж еще хуже! Хотя лучше не зарекаться и не кликать понапрасну беду...

В холле первого этажа его окликнул неслышно зашедший со спины жандарм:

– Куда торопитесь, господин капитан-лейтенант?

Егор демонстративно уставился в угол.

– Я нахожусь в служебной командировке, и мне нужно еще побывать на окружном складе, чтобы получить оборудование.

Старший лейтенант благосклонно покивал.

– Да-да, ваш водитель – ефрейтор Сазонов показал то же самое.

– «Показал»?! – непритворно изумился Звонарев. – Вы что, его задержали? А на каком, позвольте спросить, основании?

– Ну-ну, не надо перегибать! – поморщился жандарм. – Нас совершенно не интересует ваш водитель, это всего лишь оборот речи и не более того. Дело в том, что после воздействия парализатора ефрейтор, гм, несколько не в форме и вряд ли сможет продолжить выполнение своих обязанностей. Но поскольку мы вовсе не собираемся срывать ремонт вашего крейсера, то я взял на себя смелость, связался с начальником склада и *попросил* его организовать доставку запрошенных деталей силами их транспортного отдела. Поэтому вам нет необходимости ехать туда, можете отправляться сразу в порт.

– Но я должен отдать на складе документы.

Старший лейтенант лениво отмахнулся:

– Передадите их с экспедитором или отправите с курьером.

Звонарев не нашел, что возразить на это, молча повернулся и пошел к выходу. Жандарм за его спиной насмешливо фыркнул и произнес, будто плюнул:

– А говорили, что флот – это прежде всего воспитанность! – Егор вскинулся было, чтобы достойно ответить наглему, но в это время старлей, подобравшись, словно хищник перед прыжком, быстро задал ему еще один вопрос, не давая вспыхнуть перепалке:

– Кстати, не подскажите, сейф в доме только один был, тот, что в кабинете вашего батюшки за картиной спрятан? Ну, быстро!

– Сейф? – Звонарев растерялся, неожиданный переход на другую тему несколько сбил его с мысли. – Один. А что?

– Да так, ничего, – разом потерял к нему интерес жандарм, отводя взгляд, мгновение назад буквально прожигавший Егора. – Вот уж не думал, что вы в *родном* доме, как в гостях, жили, не знаете, оказывается, ни черта! – Он скучающе отвернулся к окну.

Егор сгорбился и буквально выбежал на улицу. Его трясло от злости, но он из последних сил сдерживал себя. «Спокойно, каплей, спокойно! – уговаривал он сам себя. – Ему ведь только того и нужно, чтобы я сорвался, а мы ему этой радости не доставим. Сейчас самое главное – добраться до корабля, а там... там поглядим!»

Бледный до синевы водитель переминался у грузовика, кидая затравленные взгляды на пару полицейских, лениво покуривающих неподалеку. У одного из них через плечо был небрежно перекинут, стволом книзу, автомат Сазонова, и Егор запоздало вспомнил, что его собственное оружие тоже находится в чужих руках. Он поискал глазами полицейского сержанта, но тут один из бойцов окликнул его:

– Господин капитан-лейтенант, вы не это ищете? – Он с легкой усмешкой показал ему лучевик. – Сержант велел вам оружие по приезде в порт отдать, так что не переживайте. Вы, если готовы, полезайте в кузов – я вам компанию составлю, а Федотов, – верзила, сопровождавший каплея в доме, вышел из-за спины Егора и вразвалку направился к кабине, – с водителем поедет.

Звонарев молча пошел к заднему борту транспорта, в который уже раз за последнее время скрипнув зубами от бессильной злости.

Сидя на узкой лавке, Егор снова и снова прокручивал в уме картины происшедшего, стараясь понять, что за чудовищная напасть обрушилась на его семью и почему? В голове не укладывалось, как его родители в одночасье стали государственными преступниками. Разум просто отказывался принимать эту мысль. Все в душе молодого офицера буквально кричало о нелепости, вопиющей абсурдности *такого* обвинения. Ведь его отец был одним из славной когорты, вставшей плечом к плечу вместе с будущим Императором на впоследствии знаменитом заседании парламента и потребовавшей немедленного проведения всеобщего референдума о возрождении монархии! Как же можно допустить, будто сейчас он вдруг стал ее врагом?! Это противоречило всему, что с детства видел и слышал Егор в кругу близких, и выглядело сущим бредом. Он прекрасно помнил, насколько трепетно отец всегда отзывался и о старом Императоре, и о его сыне, сменившем того на престоле, насколько рьяно спорил с любым, кто пытался усомниться в необходимости восстановления монархического способа правления. Некоторые из друзей даже слегка посмеивались над такой фанатичной верой в величие монарха.

Да что говорить, фактически все состояние семьи Звонаревых было результатом честной и преданной службы на благо Империи – так неужели кто-то мог решить, будто его родители вдруг пойдут наперекор своим прежним убеждениям и решат порвать с прошлой жизнью? Вот так, ни с того ни с сего? Чушь какая-то, право слово!

Значит... провокация?! Или чья-то подлая клевета? Да-да, скорее всего так оно и есть: кто-то решил опорочить честное имя верного слуги короны и смешать его с грязью, обвинив в мифическом преступлении! Но кому это могло быть выгодно, да и зачем – ведь отец уже давно не играл какой-то значительной роли в государственном аппарате, удалившись на покой

и ведя достаточно замкнутый образ жизни в своей загородной усадьбе. Сам Егор всего лишь один из многих офицеров космофлота, старший брат... Сашка погиб в самом начале войны, обратившись в облако раскаленного газа вместе с несчастным «Севастополем». Арина? Сестра замужем за бригадным инженером и благополучно растит троих детей на Фарскэйпе. Мама? Это вообще смешно!..

Да уж, обхохочешься! Егор устало потер переносицу. События развивались настолько неожиданным образом и столь стремительно, что Звонарев никак не мог тщательно проанализировать создавшееся положение.

Грузовик замедлил ход. Сидевший напротив Егора полицейский тихо сказал что-то в комм, дождался ответа и посмотрел на него.

– Приехали, господин капитан-лейтенант, – равнодушно сообщил он, глядя пустыми глазами. – Космопорт. Вот, возьмите, – спецназовец протянул ему лучевик, предварительно ловко выщелкнув батарею. Звонарев невесело усмехнулся. Даже теперь ему демонстрировали, что он потенциально опасен для представителей закона. Закона! Егор подавил желание врезаться от души по смутно белеющей в полумраке физиономии и заторопился к выходу, пряча оружие в кобуру. В конце концов, его еще пожалели и не стали позорить перед сослуживцами, вернув лучевик без посторонних свидетелей.

Патруль космодесантников у въездного терминала с откровенным недоумением наблюдал за тем, как из кабины армейского транспорта и из его кузова вылезают полицейские, облаченные в боевую броню, словно бы конвоирующие офицера флота.

– Э-э, у вас все в порядке, господин капитан-лейтенант? – осторожно осведомился уса-тый мичман, как бы невзначай перемещаясь таким образом, чтобы с одной стороны прикрыть Егора, а с другой – контролировать полицейских. – Может быть, вызвать дежурного офицера из комендатуры?

– Да нет, не надо, все нормально! – решительно ответил Звонарев. – Открывайте ворота, – он торопливо, стремясь как можно скорее покончить с этим унижением, подставил жетон под луч сканера и полез в кабину.

3

Конечно, хорошо было бы сразу броситься к командиру, но только кто ж это позволит сделать? За тобой закреплен определенный фронт работ? Будь любезен, сначала исполни свои прямые должностные обязанности, а уж личные проблемы подождут! Поэтому, как бы ни желал сейчас Звонарев оказаться на борту крейсера, он пахал до позднего вечера, как проклятый, обеспечивая приемку оборудования, его первоначальную проверку (бывали, к сожалению, случаи, когда тыловики норовили подсунуть негодные блоки или детали. Даже парочка показательных военно-полевых судов не смогла в полной мере охладить их пыл. Вот уж воистину кому война, а кому мать родна!), а затем погрузку в челноки и отправку их на орбиту.

Зато работа несколько притушила огонь, сжигавший Звонарева изнутри, и каплей смог немного остыть. Включившись в отлаженный до мельчайших деталей процесс, он отодвинул терзавшие его вопросы на задний план, поддаваясь гипнотическому влиянию монотонных и однообразных операций. А когда сумерки стремительно, как всегда в это время года, упали на космопорт, зажглись мощные фонари прожекторов и длинные тени пролегли по стояночным и погрузочным площадкам, Егор мог с чувством выполненного долга сказать, что да, он сделал все, как надо, и больше его здесь ничего не держит. Последний челнок, отправляющийся с грузом для крейсера, принял капитан-лейтенанта на борт и, словно присев на мгновение, стремительно рванулся ввысь, полыхая дюзами. Егор, целиком погруженный в свои мрачные мысли, даже не обратил внимания на внезапно поднявшуюся в космопорте суматоху. А зря...

Первым, кого встретил Звонарев, миновав стыковочный шлюз, был старший офицер корабля, капитан второго ранга Романовский. Исполнительнейший и сверхнадежный Александр Юрьевич был профи высочайшего класса, и никто на «Московите» не сомневался, что он вполне достоин того, чтобы принять под командование свой собственный корабль. Тем более что на войне, в отличие от мирного времени, вакансии появляются очень и очень быстро. Но, ко всеобщему удивлению, шло время, а кавторанг все так же тянул лямку в качестве заместителя каперанга Надежина. Вначале офицеры откровенно недоумевали по этому поводу, а затем привыкли и просто приняли как данность тот факт, что в этом суетном и переменчивом мире есть как минимум одна постоянная. Самое интересное, что сам Александр Юрьевич, похоже, ничуть не был опечален этим обстоятельством.

Звонарев торопливо одернул комбинезон – старший офицер вполне мог устроить хорошую выволочку за небрежность в форме одежды, а наскоро застиранные следы тошноты на груди вполне тянули на таковую – и доложил о прибытии и о выполнении задания.

Романовский внимательно осмотрел его с головы до ног – Егор мог бы поклясться, что от этого цепкого взгляда не укрылось ничего, – но неожиданно милостиво кивнул, принимая доклад, и величаво отвернулся, наблюдая за тем, как матросы укладывают на гравитележки доставленные ящики.

Егор даже слегка растерялся. Он-то уже всерьез приготовился к тому, что старший офицер прочтет сейчас ему внушительную лекцию о недопустимом поведении, обыграв попутно самым незаурядным образом – на что Александр Юрьевич был большой мастак – не только родословную доставшегося ему разгильдяя, позорящего самым наглым образом офицерские погоны, но и умственные способности ротозеев, пропустивших вышеупомянутое безмозглое существо через сито строгого отбора в военно-космическое училище. Впрочем, даже несмотря на традиционное ворчание экипажа, на «злющего цепного пса» при командире, Романовского уважали и никогда всерьез не обижались на его грозные выговоры, признавая их всегдашнюю справедливость и обоснованность.

Но сейчас кавторанг отрешенно наблюдал за слаженной работой матросов, словно бы и позабыв о присутствии нерадивого подчиненного. Звонарев растерянно потоптался, а затем

осторожно кашлянул. Романовский отвлекся и посмотрел на него так, будто вспоминал, что это здесь делает капитан-лейтенант.

– Что-то еще? – недовольно пробурчал он.

– Да я, собственно, хотел только узнать, могу ли быть свободным, Александр Юрьевич? – Одна из неписаных традиций флота гласила, что офицеры одного экипажа могли обращаться друг к другу по имени-отчеству.

– Конечно, давно пора, – рассеянно ответил старший офицер, вновь погружаясь в свои невеселые, судя по выражению лица, раздумья.

Звонарев торопливо козырнул и ринулся по коридору к своей каюте, справедливо предположив, что судьбу не следует лишний раз испытывать понапрасну. Он никак не мог взять в толк, что же происходит – корабль был на удивление безлюден, а сигнальные огоньки на информационных панелях свидетельствовали о том, что экипаж занял свои места по боевому расписанию, готовясь, по всем признакам, к отражению атаки. Это на орбите родной планеты-то! Ну не мог же командир объявить очередное учение? Да и его зам тогда вряд ли слонялся бы возле приемного отсека без дела.

Звонарев на бегу запросил через чип главный комп, но бездушная железяка холодно посоветовала ему не терять времени зря и прибыть по возможности скорее на свое место для получения детальных инструкций. А сейчас-де он еще не подключен в общую систему и не может быть проинформирован в полной мере.

– Зануда! – проворчал себе под нос Егор, но шаг прибавил.

В небольшом, примерно в девять квадратных метров, отсеке он неожиданно – тревога ведь? – застал соседа, старшего лейтенанта Темнова. Мишка, облаченный в скафандр по полной программе, за исключением шлема, копался в своих вещах, что-то разыскивая, и на появление Егора отреагировал на удивление вяло, кивнув ему мимоходом и не прекращая своего занятия.

– Слушай, что за дела? – Звонарев скинул комбез и полез в шкафчик за другим комплектом формы. – Романовский встретил как неродного – даже ни разу не приласкал «незлым тихим словом», БИЦ¹ молчит вглухую, ты делаешь вид, что занят по самое не могу. Я что-то пропустил, пока внизу корячился?.. Да оторвись ты!

– Ах да, ты же был на Лазарусе, – спохватился Темнов, поворачиваясь к нему и чуть виновато улыбаясь, – и, должно быть, не в курсе. Минут пять назад сообщение пришло с постов дальнего обнаружения: в систему вошли «незабудки».

Звонарев негромко присвистнул. Это все объясняло – и причину объявленной тревоги, и странное поведение Романовского. Что ж, видать, опять не судьба ему заняться своими проблемами!

Когда люди несколько сотен лет назад столкнулись с первым чужим кораблем, какой-то безвестный остряк в шутку назвал его «незабудкой». Прозвище неожиданно прижилось – забыть этого монстра было действительно очень сложно. Огромный, длиной в несколько километров звездолет поражал своей поистине нечеловеческой мощью. Из исторических хроник было известно, что вначале люди откровенно запаниковали, решив, будто столкнулись с врагом, который стоит на голову выше всего того, что готово было выставить человечество для своей защиты. Самый мощный по тем временам линкор класса «Слава» выглядел рядом с этим гигантом словно такса возле дога.

Попытки связаться с представителями инопланетных захватчиков – а именно так сразу же, не разбираясь, окрестила чужаков перепуганная пресса, – закончились безрезультатно.

¹ БИЦ – Боевой информационный центр, аналог боевой рубки былых времен. Это находящееся глубоко под палубой помещение с усиленной защитой и автономной системой жизнеобеспечения, где во время боя находятся операторы БЧ и командир корабля.

Сверхлинкор, по классификации военных, двигался своим маршрутом, не обращая на людей ровным счетом никакого внимания. Флотские связисты перепробовали все, но он оставался глух и нем ко всем призывам. Впрочем, когда какой-то идиот, явно сбрендив, отдал приказ прощупать защиту чужака и выпустить по нему пару ракет, вместо того чтобы попробовать, скажем, высадить на него абордажную команду, все тотчас изменилось. За несколько секунд инопланетный корабль превратил в пыль добрую половину увязавшейся за ним земной эскадры. Причем классифицировать неприятельское вооружение, а также определить принципы его действия не удалось. Да, собственно, этого никто особо и не пытался сделать – оставшиеся в живых сыпанули во все стороны, словно испуганные воробьи, желая лишь одного: оказаться как можно дальше от взбесившегося чудовища.

На Земле и в немногих освоенных к тому времени колониях воцарилась паника. Люди решили, что Апокалипсис настал. Обо *всех* событиях того времени хроники стыдливо умалчивали, но по косвенным данным можно было сделать вывод, что хаос был колоссальным, а число жертв так и не смогли подсчитать ни тогда, ни потом. Во многом именно этим объяснялся тот факт, что на открытые, но еще не заселенные планеты рванули огромные транспорты, увозящие людей, надеющихся пережить грядущий конец света. О Земле же, как полагали эмигранты первой космической волны, можно было навсегда забыть.

Но дальше началось самое интересное. Чужак прошел через Солнечную систему примерно в районе орбиты Юпитера и, не выказав никакого интереса к родине человечества, ушел в глубины космоса, словно его никогда и не было. Преследовать «незабудку», естественно, никто не решился. Да и такой возможности ни у одного из государств, занимавших ведущее положение в земной политике, тогда просто не было. Население земного шара, готовившееся к последнему, заведомо безнадежному и обреченному на поражение бою, облегченно вздохнуло и судорожно перекрестилось, вознося хвалу Иегове, Аллаху, Будде и всем остальным известным богам.

В дальнейшем люди, расселившиеся по Вселенной, сталкивались с чужаками регулярно. Огромные звездолеты – первый из встреченных не был, как оказалось, самым большим, – появлялись в самых неожиданных уголках космоса. Они все так же игнорировали любые попытки вступить с ними в какие-либо отношения, беспощадно пресекая все, даже самые незначительные акции агрессии или излишнее любопытство. С каждым разом таковых становилось все меньше и меньше – как и идиотов, решившихся на столь изощренный способ самоубийства.

Одно время, правда, была очень популярной религия, почитавшая загадочных чужаков как новых богов. Адепты этого учения пытались отыскать свои способы войти в контакт с ними, но все они оказались напрасными. А после гибели преподобного Самуила, вознамерившегося причалить к одной из «незабудок» на небольшой яхте, чтобы изъяснить повелителям свое почтение, и закономерно перешедшего при этом в состояние небытия, все эти секты как-то быстро и тихо захирели.

С тех пор установился своего рода нейтралитет. Люди старательно обходили, когда это возможно, чужаков самой дальней дорогой, тем же, как и раньше, похоже, не было до этого никакого дела.

Правда, лет двести назад интерес к этой теме вспыхнул с новой силой. Однажды на орбиту Утренней Росы, планеты из Азиатского сектора, подошла «незабудка» и зависла на ней на очень длительное время. Вот тогда-то индийский астроном Сувик Калам и сумел принять сигналы, идущие с корабля. Они оказались... музыкой! Ну, или очень походили на таковую. В средствах информации эти записи были мгновенно растиражированы и стали хитом. Заунывная, плачущая мелодия словно бы звала кого-то неведомого, о чем-то просила, жаловалась на бесконечное одиночество, страдала и надеялась. Никаких слов – только музыка, но и она поразила людей накалом поистине нечеловеческих эмоций. Некоторые ученые высказали гипотезу, что «незабудка» таким странным способом обращалась к представителям своего народа,

который, очевидно, обитал на Утренней Росе задолго до появления там людей. Экспедиции по розыску наземных поселений чужаков, проводившиеся под эгидой военных, были засекречены, и их результаты не получили широкой огласки. Хотя чуть позже в обращении стали появляться кое-какие инструменты, приборы, измерительная и вычислительная техника, свидетельствующие о том, что их происхождение носит явно нечеловеческий характер...

Кстати, профессор Янчик с Новой Познани, изучив материалы наблюдений за «незабудкой» с Утренней Росы, пришел к выводу, что это, скорее всего, корабль-автомат, не имеющий живого экипажа и действующий на основании когда-то заложенной в него программы. В принципе, это была вполне правдоподобная гипотеза, прекрасно объяснявшая поведение встреченных людьми колоссов. Впоследствии события, подобные тому, что случились на Утренней Росе, были отмечены еще у четырнадцати освоенных людьми планет и у девяти пустынных. Сколько же всего насчитывалось миров, в которых ранее, возможно, обитали создатели «незабудок», по понятным причинам никто точно сказать не мог.

Все это пронеслось в голове у Егора, пока он быстро переодевался. Закончив с формой, каплей подошел к нише, где дожидался хозяина закрепленный в специальных держателях скафандр. По правилам, при объявлении боевой тревоги весь экипаж обязательно облачался в скафандры на случай разгерметизации.

– Одного не пойму, к чему вся эта спешка? Тревога, аврал! Ну, зашел себе их корабль в систему и зашел. Что тут такого? Поплачет небось над какой-нибудь планетой и уйдет восвояси, – неожиданно Звонарев уцепился за одну мысль, нарушавшую все его рассуждения. – Погоди-ка, ты сказал «незабудки»? – Он вопросительно взглянул на Темнова. Мишка злорадно ухмыльнулся.

– А я все ждал, когда же ты наконец сообразишь! Именно! «Незабудки»!

– Блин!.. – Звонарев в который раз за сегодняшний день, оказавшийся на диво богатым на события, ошалел.

Всем было известно, что чужаки никогда (!!!) не передвигались числом более одного. Кое-кто из исследователей полагал, что программа, заложенная в них, четко разграничивает пространство и устанавливает такие маршруты, чтобы корабли-гиганты не встречались друг с другом. Являлось ли это частью некоего плана или было простым совпадением, никто не мог сказать точно, но факт этот был давно признанным и не требующим уточнений.

– И сколько же их? – поинтересовался Егор у Мишки.

– Три! И наблюдатели фиксируют подход к нашей системе еще двух. Представляешь?! Командование на ушах стоит, на всех каналах *такое* творится! Объявлена боевая тревога по всему флоту, но ты же понимаешь – это вряд ли чем-то поможет, если сии «милые крошки» решили на нас почему-то обидеться. Я, правда, слышал призывы начать эвакуацию жителей с планет нашего сектора, но только как это сделать, ведь две трети флота на позициях, а оставшаяся часть или на ремонте, или в стадии обучения. Да ты и сам знаешь.

– Так, может, обратиться с предложением о перемирии и запросить помощи у кого-нибудь постороннего? – задумался Егор. – Нет, никто на это ни за что не пойдет. Пока угроза только потенциальна, ни один из наших «ястребов» и слушать не будет о том, чтобы сдать, – тут же ответил он сам себе.

Темнов только усмехнулся и умчался на свой пост, радостно потрясая найденным наконец инфокристаллом.

Капитан-лейтенант застегнул скафандр и вышел из каюты. Теперь следовало попасть на свое рабочее место, за консоль управления огнем. Можно было надеяться, что, когда он подключится к общекорабельной сети, информации добавится и ситуация прояснится в большей степени.

В командном боевом посту его боевой части царила деловитой сосредоточенности. Операторы находились на своих местах, устроившись на откинутых ложементах. Раз-

ноцветные кабели опутывали их скафандры, словно диковинная паутина. Егор устроился за своим пультом, вывел на экран проверочные таблицы и окинул их внимательным взглядом. Перед тем как он возьмет управление на себя, следовало убедиться, что все в норме.

– Здесь Двадцать первый², – негромко шепнул он в усик микрофона, прекрасно зная, что БИЦ донесет его слова до каждого из подчиненных, – принимаю командование на себя. Всем постам доложить о готовности.

– Двадцать второй. Принял. Передаю управление, – тут же откликнулся его заместитель. Несколько огоньков на обзорном экране моргнули, показывая, что и другие операторы его услышали и приняли информацию к сведению. Егор быстро проглядел короткие строчки полученных докладов, выведенных для удобства на тактический экран гермошлема, и удовлетворенно хмыкнул. Ребята в его отсутствие не подвели, все было в норме, боевая часть готова к бою. Правда, имели ли все эти приготовления хоть малейший смысл, учитывая, *какие* цели скоро появятся на экранах корабельных радаров? Но это уже было вне компетенции Звонарева. Все, что следовало сейчас ему сделать, он выполнил «на автомате»: отрапортовал о готовности БЧ к бою и приготовился ознакомиться с задачами операции, которые вот-вот должен был объявить командир, как только им будет получен итоговый доклад от заместителя.

«Московит», подрабатывая маневровыми двигателями, медленно уходил с парковочной орбиты, чтобы занять свое место в боевом порядке эскадры. Конечно, это не было его собственное подразделение – штаб наскоро свел все находившиеся возле Лазаруса корабли во временное соединение, назначил командиром одного из адмиралов, находившегося на планете, и выдал ему спешно разработанное задание на занятие оборонительных позиций.

Звонарев пробежался по отметкам, обозначавшим другие корабли. Увиденное не порадовало. На самом деле назвать эскадрой это разношерстное сборище мог только человек либо некомпетентный, либо находящийся в безвыходном положении. В данном случае предпочтительнее выглядел именно второй вариант. Вместо полноценных бригад, укомплектованных согласно задачам, сведенных в дивизии, а уж затем, соответственно, в эскадру, командование свалило в одну кучу все, что болталось в данную минуту у планеты.

И если присутствие мощных ударных линкоров – одного наиновейшего класса «Зевс» и трех класса «Наполеон», разных, правда, модификаций и поколений, – было вполне понятным, то идущий вместе с ними неповоротливый «Экзекутор», служивший всегда гигантской мобильной базой и транспортом, вызывал недоумение. На кой он сдался-то? Его дело – участвовать в захвате планет, а не обмениваться ударами в маневренном скоротечном бою.

«Московит» вместе с однотипными «Пермяком» и «Рязанцем» шли сразу за основными кораблями, готовые поддержать их в любую секунду всей своей огневой мощью. Чуть поодаль расположился «Мурманск», призванный прикрыть эскадру непроницаемым для средств обнаружения колпаком. Его медленно догонял «Торос». Егор даже не мог припомнить, когда видел в последний раз крейсер ранее грозного, но нынче ставшего совсем уж раритетным семейства «Айсберг». А тут, поди ж ты, раскопали где-то.

Так, а кто там у нас на флангах? Ага, два эскортных авианосца, несущих в своих ангарах почти три сотни истребителей; штук восемь легких крейсеров типа «Строгий» и «Злой» и два десятка фрегатов и эсминцев серий «Пика» и «Алебарда».

Прямо скажем, не густо! Но, с другой стороны, никто и не обещал, что возле Лазаруса будет постоянно находиться мощный ударный флот во главе с новейшими суперлинкорами типа «Миротворец». Насколько был в курсе Егор, на орбите сейчас болтался только один такой корабль, да и тот был настолько здорово потрепан в одном из недавних сражений, что представлял собой весьма плачевное зрелище. Хорошо еще, хоть это нашли, а так... Кстати, очень любопытно, кто остался у планеты в качестве последней линии обороны? Неужели штаб решил

² Первая цифра в позывном обозначает номер БЧ (Боевой части), вторая – статус офицера.

оголить сектор и понадеялся на орбитальные платформы и крепости? Впрочем, зачем себя обманывать – если «незабудки» решат поразвлечься, то их не остановит и десяток таких эскадр.

В наушнике тихо пискнуло, и Егор поспешно развернул поступивший файл с заданием. Что ж, вполне ожидаемый вариант, признал он через несколько секунд, внимательнейшим образом изучив его. Никто не собирался бросаться в лихую самоубийственную атаку. Командование предлагало встретить идущие полным ходом «незабудки», пристроиться к ним и попытаться определить их дальнейшие действия. В принципе, эту задачу уже отправились выполнять несколько дальних разведчиков, но, случись что, чужаки их вряд ли бы заметили, а вот совместный залп всей сводной эскадры вполне мог... Да ничего он не мог, если честно! Просто кто-то из штабных чинуш решил прикрыть свою задницу и отпрапортовать в столицу, что все меры, дескать, приняты, флот стоит на страже Империи и т. д. и т. п.

Ну и ладно, как там говорится: «За веру, царя и Отечество»? Наше дело – исполнять приказы, а не обсуждать их. Вдруг чужаки свернут куда-нибудь или вовсе пройдут мимо? И такое бывало неоднократно. Главное, чтобы ни у кого рука не дрогнула, не пальнула бы в сторону «незабудок» раньше времени. Звонарев почувствовал, как струйка соленого пота пробежала по лицу, досадливо встряхнулся, жалея, что не может вытереть мокрый лоб – спустя секунду встроенная система терморегуляции среагировала и высушила его, – и снова внимательно всмотрелся в бегущие по экрану значки. Привычным усилием воли он отбросил прочь посторонние мысли, отрешаясь от всего второстепенного, ненужного в данное мгновение, и стал тем, кем и должен был быть, – старшим офицером по вооружению, ответственным за все, что стреляет, взрывает, разносит в клочья, перемалывает в труху любого, на кого укажет властная рука командира.

4

Они висели в самом сердце вражеской системы, укрытые, помимо сверхудачного месторасположения у самого дальнего спутника Лазаруса, маскирующими полями и потому практически недоступные для обнаружения. Нет, конечно, при условии вдумчивого и целенаправленного поиска в данном районе их рано или поздно обнаружили бы, но только кому придет в голову прочесывать здесь космическое пространство? Ведь практически рядом пролегают самые оживленные космические трассы, глубокий тыл – кого бояться-то?

Строго говоря, на этом и был выстроен план, предусматривающий проникновение ударной эскадры в Русский сектор. По возможности скрытно миновать приграничный район активных боестолкновений, разделиться, пройти по своим маршрутам, подобраться к основным планетам Империи, затаиться и ждать сигнала к атаке.

С одной стороны, вполне изощренное самоубийство, учитывая количество снующих туда-сюда боевых патрульных кораблей, судов снабжения, курьеров и прочей шушеры, но с другой... война со всей отчетливостью выявила сильные и слабые качества противоборствующих сторон. И если флот русских славился своими системами вооружения, которым практически не имелось равных, то всевозможные устройства, призванные маскировать, обнаруживать, передавать информацию, были у них весьма и весьма среднего уровня. Образно говоря, увидеть и разорвать врага в клочья русские корабли могли значительно позже того момента, когда противник уже вовсю любовался ими на экранах радаров. Правда, дотянуться до них при этом и нанести хоть какой-нибудь вред мало кто мог.

Так что, на самом деле, разыскать соединение было довольно сложно – передач корабли не вели, каких-либо маневров старались избегать. А недостаток огневой мощи, по задумке штаба, с лихвой компенсировался бы внезапностью нападения. Собственно, командующий группировкой должен был сам определить наиболее предпочтительный для этого момент – ему разрешалось действовать в режиме «свободного охотника», и он не собирался размениваться по мелочам. Пожалуй, наиболее достойной целью являлся караван транспортов обеспечения, но они-то как раз шли исключительно в сопровождении мощного охранения, не спускающего глаз со своих подопечных. Вторым по предпочтительности стоял вариант с атакой подраненного линкора, авианосца или другого корабля рангом не ниже первого, но они, как правило, следовали к Фарскэйпу, где размещались основные орбитальные верфи Империи и где пострадавшим в сражении производили необходимый ремонт. А находившийся сейчас возле Лазаруса гигант-суперлинкор, идеально подходивший по своему нынешнему состоянию на роль жертвы, добрал туда чуть раньше, чем они просочились через боевые порядки русских.

Вообще, стоит заметить, что не все прошло так гладко, как хотелось бы, – все же само понятие войны трудноотделимо от всевозможных случайностей и самых невероятных совпадений. Ну кто мог заранее предугадать, что сбившийся с курса пилот-кадет на полной скорости влетит на учебном истребителе в самую гущу маскирующихся кораблей неподалеку от столичного Церебруса? То, что он сгорел, попав под удар одного из линкоров, было слабым утешением по сравнению с тем, что отслеживающие пространство у центральной планеты станции наблюдения моментально просканировали мнимую пустоту и дали целеуказание силам обороны. А уж для них лишённые подвижности и отражающих щитов корабли стали просто неподвижными мишенями, и потренировались изнывающие от скуки комендоры и «пускachi» орбитальных крепостей на славу! Когда к месту бойни подоспели патрульные крейсера, также желающие поучаствовать в потехе, то там только разлетался во все стороны мелкий мусор.

Или вторая часть рейдерской эскадры, что должна была подкрасться к Фарскэйпу и напасть на верфи. Она натолкнулась на караван десантных судов, перевозивших несколько пехотных дивизий, успешно разгромила его и на пике своего триумфа была атакована сразу

тремя «Миротворцами» – остальные корабли свиты меркли на их фоне, – поймавшими сигнал бедствия. Распаленные жадой мести за погибших товарищей, экипажи линкоров оказали врагам единственную милость, сделав их смерть быстрой и не слишком мучительной. Они прошли сквозь боевые порядки противника разъяренными демонами, щедро расплескивающими вокруг себя содержимое многочисленных ракетных пеналов, орудийных погребов ионных и плазменных пушек и энергетических батарей лазерных скорострелок ближнего боя.

Таким образом, группировка у Лазаруса осталась в гордом одиночестве, но ее командир, контр-адмирал Гарольд Марш, ничего уже не мог изменить. И хотя в душе он немного пожалел, когда чуткие сенсоры поймали донесения победителей, о столь скором завершении карьеры и жизненного пути своих сослуживцев, менять разработанные заранее планы он не собирался. Имелось для этого одно очень весомое обстоятельство, выгодно отличавшее его от ситуации с другими командирами: секретная частота, известная только ему, которую отслеживал – в числе многих других, разумеется, – особо доверенный офицер-связист. Марш не знал, да, в общем-то, и не хотел знать о том, каким образом разведке флота удалось заполучить этот источник поистине бесценной информации, но адмирал искренне надеялся, что он не подведет. Адмирала заверили, что в нужное время он получит данные, которые позволят ему не только с честью выполнить задание, но и благополучно убраться после этого восвояси.

Пока что от неведомого союзника на Лазарусе поступил только один зашифрованный информпакет, где были подробно указаны орбиты охранявших планету крепостей и платформ, схемы их радиусов боевого поражения, график патрулей и многое-многое другое. Офицеры-аналитики набросились на эту информацию, точно стая голодных волков, изучали ее почти два дня, но вынуждены были отступить – все варианты, которые моделировал центральный мозг, однозначно свидетельствовали, что пробраться на расстояние прямого, ставшего бы смертельным для планеты и ее обитателей залпа к Лазарусу не удастся.

Но все равно Марш не один раз восхищенно присвистнул, когда изучал эти материалы, отметив, правда, что в них отсутствовало самое главное – не было даже косвенных указаний на то, когда от Лазаруса или к нему пойдут суда со стратегически важными грузами. Впрочем, источник обещал постараться обязательно добыть эту информацию. И теперь оставалось только ждать...

Фрегаты и эсминцы русского флота стартовали стремительно и неожиданно, настолько резко поменяв досконально изученные за эти несколько дней маршруты патрулирования, что наблюдатели флотилии-рейдера едва не прозевали этот маневр. В первое мгновение БИЦ флагмана едва не отдал общий сигнал тревоги, заподозрив, что противник их обнаружил и теперь пытается выйти на расстояние ракетной атаки.

Но уже в следующую секунду мощный компьютерный мозг обработал данные, собранные чуткими сенсорами дальнего и ближнего действия, и с девяноста пятипроцентной точностью выдал прогноз: русские просто-напросто выступают в поход и выполняют рутинную процедуру, принятую во всех флотах. Сначала малые корабли проверяют сектор, где должны пройти основные силы, на предмет скрытых ловушек, засад и тому подобных «подарков», затем корабли ракетной и артиллерийской поддержки выдвигаются на позиции охранения, а уж за ними важно шествуют гиганты: линкоры, авианосцы, ударные крейсера и прочие тяжеловесы.

Контр-адмирал так же, как и другие офицеры, подключенные к сети, облегченно перевел дух и быстро проглядел варианты действий, услужливо выведенные на экран главным корабельным мозгом БИЦ. В принципе, даже несмотря на имплантаты, которые устанавливались людям для увеличения быстродействия при работе с новейшими компьютерами, человек все равно не мог сравниться быстротой реакции с машиной, и та вполне могла обойтись и без операторов, но тяжкое бремя принятия *последнего* решения всегда оставалось за офи-

церами космофлота. Являлось ли это отголоском подспудного страха перед вышедшим из-под контроля искусственным интеллектом, данью традициям или просто желанием маленькой букашки, засевшей в железном чреве корабля, лишний раз насладиться подчиненной ему мощью, адмиралу было глубоко наплевать. Он не забивал себе голову этими философскими проблемами, а просто выполнял работу, составлявшую смысл его жизни. И точка!

Вот и сейчас он привычно отдал мысленный приказ, подтверждая выбор одного из вариантов, и командиры подчиненных ему кораблей увидели на своих терминалах уже соответствующим образом оформленные распоряжения. Требовалось усилить наблюдение и быть готовым перейти к атакующим действиям – Марш твердо решил, что выползшего из берлоги русского медведя следует примерно проучить, отомстив попутно за недавнюю гибель других частей их эскадры.

Реакторы кораблей, дремавшие до этого времени, стали быстро разогреваться, набирая, согласно заложенной в искусственном интеллекте программе, необходимую мощность, по направляющим побежали к пусковым площадкам гравитележки с хищными рыбинами протонных ракет, провернулись элеваторы подачи снарядов, операторы групп управления занесли последние данные по намеченным целям... в общем, русских ждал неприятный сюрприз! На руку играло и то обстоятельство, что противник производил проверку очень торопливо, наспех, его эскадра – если только этот сброд можно было назвать эскадрой! – явно куда-то торопилась. Марш моментально ухватил главное: у него появлялся отличный шанс ударить неожиданно, подпустив неприятеля вплотную. А если учесть, что суммарный залп его кораблей на данную минуту практически равнялся тому, чем могли ответить русские, то становилось ясно, что при условии уничтожения хотя бы нескольких вражеских единиц дивизия Демократического Союза в один миг получит значительный перевес. Просто следовало сосредоточиться на наиболее мощных кораблях – линкорах и тяжелых крейсерах, используя по максимуму фактор внезапности, оставив более слабые на десерт.

Ну и самое приятное должно произойти далее – разбив русских в космосе, можно будет заняться оставленным практически без защиты Лазарусом. Конечно, там еще крутились орбитальные крепости, но адмирал предполагал, что особых осложнений с ними не предвидится – полученные от агента сведения вполне позволяли нейтрализовать эту угрозу без особых проблем. Сначала Марш решил позволить эскадре противника уйти как можно дальше, а уж затем напасть на планету, но по здравому размышлению пришел к выводу, что неожиданный удар в спину – это не самый приятный подарок во время атаки. Кто его знает, куда торопятся эти «медведи»? Может быть, у них просто очередные идиотские учения и они скоро вернутся обратно? Нет, пусть уж лучше на обреченной планете узнают о присутствии противника – все равно они ничего не смогут противопоставить удару с орбиты. Несколько эскадрилий истребителей наземного базирования, пяток батарей ПКО да небольшой флот, бороздящий просторы единственного на Лазарусе океана, не в счет – это сушая чепуха! Его линкоры просто разомнутся на них. Хотя нет, лучше отправить на подавление планетарной обороны те две бригады эсминцев, что пришли в последнюю минуту перед походом, и пусть новички понюхают пороха. В конце концов, солидные «боевые» на личный счет надо еще заслужить!..

Егор как раз завершал внесение поправок в таблицу огня плазменной батареи главного калибра, когда слух резанул сигнал системы наблюдения по общему каналу с одного из прикрывавших эскадру эсминцев «Наблюдаю противника по вектору 25-4-7!», а следом страшное «Подвергся нападению, вступил в бой!» и, спустя пару секунд, последнее «Погибаю, но не сда...».

Звонарев еще только осмысливал происходящее, вслушиваясь в рев тревожных сирен, а пальцы, повинувшись натренированным бесчисленными учениями рефлексам, уже всю порхали над консолью, перенацеливая управляющие системы орудий и ракет. Умные машины

отреагировали как надо, и крейсер после едва уловимой заминки открыл ответный огонь по врагу, сумевшему подобраться так непростительно близко!

Краем глаза Егор глянул на экран, показывающий состояние и местонахождение кораблей эскадры, и содрогнулся: минимум треть значков исчезла, как будто их никогда и не было. За эти несколько секунд они лишились трех из четырех линкоров, одного авианосца, двух тяжелых крейсеров и десятка эсминцев и фрегатов! «Московиту» в этом смысле откровенно повезло – в момент нападения он оказался случайно прикрыт мощными отражающими полями мобильной базы и отделался легкими царапинами.

Да, «демократы» знали свое дело – в первую очередь они постарались лишить противника основной ударной силы, и это им вполне удалось. Оставшиеся в строю и получившие многочисленные повреждения русские корабли не представляли в данную минуту серьезной опасности для вынырнувших из-за полей отражения трех с лишним десятков боевых единиц неприятеля.

– Наблюдаю корабли Демсоюза, – равнодушно сообщил БИЦ, – головным «Аризона», за ним «Оклахома», «Калифорния» и «Бретань». – Звонарев скрипнул зубами – это были линкоры новейших модификаций, вполне сопоставимые с последним из оставшихся у них. Нет, по отдельности они были значительно слабее, но вот сворой... – А также «Силезия» и «Пруссия»... Тяжелые крейсера – две бригады. Класа «Гнев». – Час от часу не легче – это ж близнецы-братья «Московита», только под другим флагом!.. – Четыре крейсера спецназначения, – понятно, нас сейчас накрыли таким колпаком, что никто и не услышит, как мы здесь погибнем, – и две бригады эсминцев, предположительно серии «Окинава», – ну, эти нанесут нам *coup de grace*, «удар милосердия»³, когда их более тяжелые дружки спустят с нас шкуру!

– Егор Владимирович, – услышал Звонарев спокойный, будто вокруг не кипело тяжелейшее сражение, а они всего лишь обсуждали просмотренный в Доме офицеров фильм, голос командира, каперанга Надежина, – а почему я еще наблюдаю этих «засланцев» в целости и сохранности? По моим ощущениям, как минимум два из них уже находятся в нашем боевом радиусе, так что извольте соответствовать должности и продемонстрируйте нам наконец свои навыки... А то я уже просто заждался! – В последних словах сквозила столь откровенная насмешка, что Егор почувствовал, как загорелись у него от стыда уши.

– Принято! – прохрипел он, желая очутиться сейчас где-нибудь далеко-далеко и чтобы рядом не оказалось никого из свидетелей его нынешнего позора.

Пальцы забегали по клавишам с еще большей, просто немыслимой скоростью. Крейсер, механически обстреливающий до этой минуты цели, согласно заложенной программе – то есть практически не учитывая специфики развернувшейся схватки, – словно бы подобрался и начал действовать, как и полагается прошедшему круговерть отчаянных пограничных сражений ветерану-гвардейцу, – дерзко, расчетливо и по-хорошему нагло. Это послужило отличным примером и для остальных кораблей русской эскадры – они будто вышли из состояния растерянности и вспомнили о том, что тоже кое-что умеют. В конце концов, даже понеся серьезнейшие потери, имперцы оставались весьма грозной силой. И «демократы» сразу почувствовали это на своей шкуре.

– Шалишь, братец, – приговаривал Звонарев себе под нос, загоняя выполняющий маневр уклонения крейсер противника в перекрестье прицела. Тот, исходя из общего количества всех калибров, числился в справочниках как более мощный по классу, но у «Московита» на вооружении были десять плазменных орудий, да еще десяток тяжелых турболазерных, да еще... – Ага, получил!

³ «Удар милосердия» – по-другому «*coup de grace*» (фр.) – термин, обозначающий смертельный, финальный удар, прерывающий мучения раненого.

Вражеская отметка мигнула и исчезла с экрана. Почти сразу же взорвались и три эсминца «демократов» – это поработали опомнившиеся фрегаты прикрытия. Правда, при этом и они сами потеряли двоих.

Противник активно маневрировал, стараясь занять наиболее выигрышную позицию для атаки. Сражающихся разделяли сотни и тысячи километров, но по меркам космических просторов это было как на расстоянии вытянутой руки. Ситуация менялась каждое мгновение, электронные мозги управляющих компьютеров разве что не дымились от напряжения, старательно учитывая множество факторов. Ведь, собственно, само время обмена ударами занимало доли секунды, а все остальное уходило на анализ интересных разве что специалисту параметров.

Экраны радаров и голопроекции тактических информационных центров не могли передать картину развернувшегося сражения во всей ее страшной и завораживающей красоте, но кто сказал, что, глядя в иллюминатор обзорной галереи – которой на боевых кораблях, естественно, отродясь не было, – заинтересованный наблюдатель смог бы рассмотреть вообще хоть что-нибудь среди сверкающей россыпи звезд? Так, отметил бы, что какие-то из них вспыхивают на мгновение чуть ярче других, чтобы сразу же исчезнуть, и все. Но и то, что было доступно для человеческих органов чувств, могло вогнать неподготовленного в состояние шока. Трехмерные компьютерные модели разлетались в клочья, реагируя на фактические повреждения, эфир был заполнен многоголосьем, где торжествующий вопль победителя сочтлся с предсмертным хрипом побежденного, а равнодушный механический голос машины пытался перекрыть надсадный крик человека.

«Московит», стараясь развить успех, выпустил все имеющиеся у него на борту двенадцать истребителей, подавая пример остальным авианесущим кораблям своей эскадры. Сунувшиеся было им наперерез эсминцы одной из двух вражеских бригад попали под стремительную атаку отчаянных пилотов (которые ни в грош не ставили ни бога, ни черта), поддержанную всеми огневыми средствами «Московита», и тут же драпанули под прикрытие отражающих полей линкоров, оставив позади три облака раскаленного газа вместо своих самых неудачливых коллег.

Спохватившись, начал раскрывать шлюзы своих летных палуб уцелевший авианосец русских, решив опустошить их полностью, и «демократы», оценив угрозу, тут же сосредоточили на нем весь огонь. Еще бы – ведь полторы сотни юрких машин могли переломить ход боя в одно мгновение.

«Торос», на которого никто в начале схватки не обратил особого внимания, бросился на выручку авиаматке, стараясь прикрыть ее своими защитными полями и дать возможность завершить маневр, но – увы! Это несколько десятков лет назад он был красой и гордостью русского флота, недостижимой мечтой всех соседей. А сейчас в его направлении ринулись всего три протонные торпеды, в эфире еще успело плеснуться напоследок наивно-задорное «Иду на выручку!» – и... все...

Крейсера «демократов», пусть и не такие грозные, как противостоящие им корабли русских, брали свое в этом сражении за счет превосходства в количестве. Их тактика не отличалась особой оригинальностью – они просто сосредотачивали огонь на одной цели, наносили ей «несовместимые с жизнью» повреждения и переносили свое внимание на следующего противника.

Вот и сейчас они охватили полукольцом авианосец имперцев и методично принялись громить его всем имеющимся у них на борту арсеналом. Понятное дело, продержаться достаточное для запуска истребителей время тот при таком раскладе не смог. Два десятка машин вылетели наружу, но все остальные превратились в оплавленные, бесформенные обломки вместе со своим несчастным кораблем. «Вот работенки для мусорщиков подвалило, – нехстати

подумалось Егору. – Это ж сколько кораблей им придется потом задействовать, чтобы очистить этот район? Стоп! Об этом ли сейчас нужно думать?!»

Звонарев, контролирующий работу подчиненных ему постов, обменивающийся через нейроимплантат десятками импульсов разнообразных сообщений с офицерами своей боевой части, коротко чертыхнулся – на так и просившуюся с языка длинную нецензурную тираду сейчас попросту не было времени. Положение остатков русской эскадры представлялось теперь совсем уж безрадостным: ну, потрепыхаются они еще маленько, ну, выпустят кишки несколькими «демократам»... А дальше-то что? Вражеские крейсера РЭБ закрыли все диапазоны помехами настолько плотно, что отправить сигнал о помощи через дальнюю связь невозможно. Да и кто, собственно, на него откликнется: ближайшие части русского флота находятся на расстоянии нескольких дней лета на сверхсветовой и в лучшем случае – это если допустить фантастическую мысль, что они уже стартовали к Лазарусу, – успеют разве что отомстить за них, но уж никак не спасти.

Вот и получается, что для русских кораблей впереди маячит только один наиболее вероятный вариант развития событий... с места – и в вечность...

– Внимание по экипажу, – Надежин был по-прежнему невозмутим и спокоен, – сейчас мы и «мухачи»⁴ выдвигаемся вперед. Нас будут прикрывать все боеспособные истребители. Наша задача – прикрыть отход линкора, базы и уцелевших эсминцев. Энергию, снаряды и ракеты не экономить...

Егор с холодком понял, что командующий эскадры решил пожертвовать крейсерами и попытаться уйти к Лазарусу. Что ж, не самый лучший, но и не самый худший из вариантов – в конце концов, эсминцы и фрегаты на орбите планеты, при поддержке дальнобойных систем орбитальных крепостей и платформ, вкупе с мощными полями отражения линкора, гораздо полезнее, чем обреченные корабли прикрытия, и могут попытаться сорвать атаку на Лазарус.

...Жаль только, что остающиеся вряд ли узнают, вышло из этого что-нибудь или нет...

⁴ «Мухачи» – принятое на флоте название легких крейсеров (*жарг.*).

5

Неожиданное выдвижение «Московита», окруженного уцелевшими истребителями, «демократы» откровенно прозевали. Скорее всего, они уже твердо уверовали в то, что уничтожение русских кораблей является лишь делом времени. А здесь вдруг лишь огрызающийся до этой секунды и явно пытающийся ретироваться крейсер резко изменил курс и пошел им навстречу, забыв, казалось, о собственном спасении.

Правда, это и в самом деле только казалось. Просто Надежин решил выставить в качестве активной сферы обороны «ястребки» сопровождения. По его замыслу, они должны были перехватывать прорвавшиеся к «Московиту» ракеты, а комендоры малокалиберных орудий крейсера активно помогали бы им. Легкие крейсера держались чуть сзади, играя роль последнего резерва и поддерживая, по мере возможности, своего новоявленного флагмана.

Конечно, было бы хорошо, если бы истребителей сопровождения оказалось побольше, но тут уж, как говорится, чем богаты! Отчаянные пилоты и так творили настоящие чудеса, умудряясь перехватывать почти все адресованные «Московиту» гостинцы «демократов». Их собственный ракетный арсенал, к сожалению, давным-давно иссяк, и огрызнуться в ответ они не могли. Так, по мелочи, саданули несколькими «Василисками» – без особого успеха – и все. Финиш.

Но, в принципе, первые минуты отвлекающего маневра крейсера оказались весьма удачными. Скажи кто Звонареву раньше, что можно пусть и тяжелым, но все равно крейсером заставить отступить линкор, он, вероятнее всего, лишь покрутил бы пальцем у виска. Не та, мол, весовая категория у противников. И был бы, разумеется, прав.

Вот только здесь и сейчас в дело вступили такие расплывчатые, ненадежные и весьма переменчивые факторы, как случайность, удача, доброе расположение звезд – называйте, как хотите. Приготовившимся достойно умереть людям в мундирах императорского флота на всю эту казуистику было, в сущности, наплевать. Разлетающийся вдребезги противник – вот что их интересовало в первую очередь! Ведь каждая секунда, каждое мгновение позволяли их товарищам еще немного уйти подальше от места засады, приблизиться к планете, под защиту орбитальных крепостей и их мощных дальнобойных орудий и излучателей.

На руку русским играл и тот факт, что, увлекшись погоней, «демократы» растянули свои боевые порядки, перекрыли друг другу огневые сектора и не могли обрушиться на наглецов, осмелившихся бросить им вызов, всей совокупной мощью. Надежин заранее просчитал этот момент и принялся искусно маневрировать, буквально проскальзывая громадиной крейсера между разрывами посланных ему навстречу снарядов и мягко огибая потоки плазмы. «Московит», словно обретя душу и поняв, что это его последний бой, чутко отзывался на любую команду своего командира.

Да что корабль – все находившиеся на его борту люди стали в эту минуту каким-то одним невиданным доселе организмом. Их воля, устремления, желания обрели, казалось, материальное воплощение, став еще одним дополнительным и весьма грозным оружием.

Первый попавшийся им на пути эсминец «Московит» перемолол, что называется, не поморщившись. Просто отметка на экранах электронных планшетов вдруг бесследно исчезла – и все. Никто толком не понял, что произошло, не успел ни удивиться, ни обрадоваться. И лишь Звонарев начал насвистывать себе под нос легкомысленный мотивчик, довольный своим изящным решением: он заставил орудия крейсера выдать совмещенный залп.

Следом отправился к темным богам преисподней линкор со звучным названием «Оклахома». С ним впавший в священный воинский экстаз берсерка крейсер провозился чуть дольше. Чуть дольше по внутреннему мироощущению его экипажа, разумеется. Для опешивших же «демократов» все случилось достаточно быстро. Просто две пусковые установки про-

тонных торпед выплюнули свое содержимое, и хищные рыбыны поистине с дьявольским коварством преодолели защиту могучего корабля, вонзившись в его самое уязвимое место. Да-да, имелась у линкоров этого типа своя ахиллесова пята. Реактор. На этапе проектирования его вроде бы и прикрыли усиленной броней, а вот как-то сошлись воедино всякие разные мелочи, и при удачном попадании в определенную точку колосс гарантированно разлетался вдребезги от серии внутренних взрывов пошедшего вразнос двигателя. Даже аварийная защита, призванная отключить реактор, не успевала сработать.

Чудеса, да и только, скажете – попробуй попади в крохотный, всего-то в пять-шесть метров «пяточок» в условиях, когда лидера прикрывает многочисленная свита, да и сам он активно маневрирует.

А вот сейчас, поди ж ты, попали!!

Рвануло знатно. Досталось и еще нескольким идущим рядом кораблям. Их здорово потрепало разлетевшимися во все стороны обломками. А «Московит», словно начхав на любую предосторожность и уверовав в собственную неуязвимость, ворвался тем временем в самый центр боевых порядков противника, будто лиса в курятник, и принялся с упоением громить всех попавших в прицельные рамки своих многочисленных огневых точек и ракетных установок. Орудийные погреба опустошались с лихорадочной быстротой, элеваторы подачи буквально визжали от внутреннего напряжения, а пусковые команды едва-едва успевали проводить все необходимые процедуры, прежде чем ракеты устремлялись к цели.

От лидера не отставали и легкие крейсера. Уничтожить вражеский корабль им было не под силу, но вот снести с его обшивки все комплексы связи, сенсоры, прицельные системы и прочую небесполезную в бою электронную начинку им удавалось весьма успешно. Знаменитые ионные и плазменные орудия, созданные военным гением русских оружейников в знаменитых лабораториях Фарскэйпа, уверенно доказывали свое превосходство над многослойной броней кораблей противника. Для полного уничтожения цели хватало трех-четырёхтактной очереди, а затем боевой компьютер исправно фиксировал накрытие и переносил свой виртуальный маркер на следующую по значимости мишень.

Но... сказка имеет одно весьма неприятное свойство. Она быстро заканчивается, причем, как правило, в самый неподходящий момент.

Вот и сейчас контр-адмирал Марш сумел стряхнуть с себя странное оцепенение, охватившее его, когда обезумевший крейсер русских начал свою фантастическую атаку. Несколько быстрых команд, столь же быстрое подтверждение об их получении, и вот уже подвластные ему корабли делают свой ход.

Выучка и высокий профессионализм их экипажей позволили произвести перегруппировку в самые сжатые сроки. Более мощные корабли прикрыли менее крепких собратьев своими защитными полями, закрываясь от болезненных выпадов «Московита», их комендоры наметили собственные цели, получили добро и методично принялись давить врага.

Легкие крейсера имперцев, весьма удачно дополнявшие лидера, сразу же начали гибнуть. Один за другим. Их защита не могла выстоять против мощных ударов, которые обрушились на них отовсюду.

Один... второй... третий...

Сгоравшие одновременно с ними в бутонах атомных разрывов истребители никто не считал. Русские знали, что все они – оставшиеся прикрывать отход своих основных сил – покойники, а «демократов» занимали более важные цели, чем путающаяся под ногами мелюзга.

Звонарев, на которого вдруг обрушилась страшная, всепоглощающая усталость, казалось, разом утратил тот яростный задор, который вел его и других членов команды в бой, позволяя совершать поистине невозможное. Мелодичный голос компьютера, сообщавший о каждой очередной потере, словно вонзал ему прямо в сердце раскаленный гвоздь, чтобы тут же забить рядом следующий. Пальцы еще продолжали порхать над клавиатурой, упрямо заставляя

отправляться к цели все новые и новые снаряды и ракеты, а мозг уже бесстрастно обдумывал последние мысли.

А в том, что они являются действительно последними, сомнений, пожалуй, не оставалось. Он и его соратники сделали все, что могли, и им не в чем было себя упрекнуть. Остатки русской эскадры ушли от страшного места пусть и не совсем окончательно, но все же довольно далеко, получив внушительную фору. Теперь все зависело только от них самих.

Тревожные алые огни, сигнализирующие о повреждениях, стали вспыхивать все чаще и чаще. Но Егор знал – это лишь первые предвестники их скорой гибели, с каждой последующей секундой положение смельчаков будет становиться еще хуже.

Вот только у ветреной проказницы Судьбы на этот счет, похоже, было собственное, отличное от звонаревского мнение!

Сначала рядом с сектором, где кипела кровопролитная схватка, возникла одна громадина. Следом, через сравнительно небольшой промежуток времени, другая. И, наконец, третья.

Три «незабудки». Три огромных корабля неведомой расы, затаившейся в ледяном безмолвии Вселенной. Три исполинских чудовища.

Люди никогда не вступали с ними в открытое противостояние с тех пор, как первый из встреченных ими монстров преподнес смельчакам страшный урок. Урок, за который человечество заплатило огромным множеством жизней и парализующим, сводящим с ума страхом перед невиданной мощью.

Корабли «демократов» поневоле снизили темп стрельбы. Их командиры прекрасно знали: «незабудки» терпеть не могут, если рядом с ними кто-то пробует баловаться игрой в лихих ковбоев.

Гарольд Марш с досадой скрипнул зубами на своем месте, когда досадная помеха вдруг возникла у него на пути, грозя испортить столь удачно складывающийся рисунок боя. Но на самом деле он не мог и представить, *насколько* неудачно все пойдет с этой секунды для него и его флота!

Впрочем, он и ничего не узнал. Флагман «демократов», на котором пребывал незадачливый контр-адмирал, окунулся в странное облако нежно-лазоревого цвета, возникшее вдруг на пути линкора.

Без малого три сотни метров гигантского корпуса просто-напросто растворились в безобидной на первый взгляд дымке, не оставив после себя и следа. Словно никогда и не было на свете ни самого корабля, ни населявших чрево линкора таких крохотных по масштабам *космоса* человечков.

На других кораблях Демсоюза, если и успели понять, что ситуация резко изменилась и вышла из-под контроля, изменить что-либо все равно не могли. Часть из них продолжала добивать «Московит» и его товарищей, часть начала менять курс, в напрасной попытке избежать внимания «незабудок», когда исполинские корпуса инопланетных гигантов расцвели густой россыпью выстрелов и стартовавших ракет. Хотя назвать ракетами то, что в изобилии устремилось сейчас к цели, можно было с изрядной натяжкой. Принципы, по которым создавалось оружие «незабудок», людям были неведомы. А значит, и создать защиту, призванную спасти свои корабли, никто в ареале расселения человечества покамест не смог.

Белые, розовые, зеленые светлячки, выпущенные «незабудками», стремительно преодолели отделявшее их от «демократов» расстояние. Мощные взрывы, остающиеся после безошибочно находивших цель ракет инопланетян, начали крушить корабли людей. Нет, иногда кому-то везло, и тогда на пути неведомого оружия успевали возвести непроходимую огневую завесу. Да только следом за ракетами, а иногда и опережая их, неслись не менее смертоносные снаряды. Порой случалось так, что экипажи батарей ближнего боя еще радовались своей мимолетной удаче, когда огромная пробоина в борту их корабля уже черпала вовсю мертвящий холод *космоса*, отмеряя последние секунды их жизни.

Хаос воцарился в боевых порядках демсоюзовцев. Некоторые командиры в растерянности слали запросы командующему, не успев определить, что он уже погиб, некоторые отдали приказ «Убираться отсюда куда угодно, лишь бы подальше!», а кто-то, видимо, обезумев, пробовал атаковать «незабудки». Эффект наблюдался примерно одинаковый: старуха с косой без промедления прибирала безрассудных.

Но было одно обстоятельство, объединявшее всех «демократов». Они и думать забыли о «Московите»! И русские, застывшие на своих боевых постах, тоже не могли и помыслить о том, чтобы как-то вмешаться в развернувшееся на их глазах побоище. Сказать по правде, их сейчас гораздо больше занимал вопрос: «Как долго продлится этот неожиданный фарт?» Все прекрасно понимали, что «незабудки», вмешавшиеся вдруг в ход боя, в любую секунду могут бросить все и убраться восвояси, по ведомым лишь им делам, и тогда крейсер имперцев снова окажется один на один с остервеневшим флотом Демсоюза.

Пробивший обшивку «Московита» случайный снаряд вызвал пожар всего в паре отсеков от БЧ Звонарева. Автоматика мгновенно среагировала и опустила аварийные створки, отрезая поврежденную часть. Егор, замерший над заблокированным наглухо пультом огня, вздрогнул. Последние несколько минут он, повинаясь приказу Надежина, провел в абсолютном ничегонеделании. Командир сумел сориентироваться в непростой ситуации, и теперь изрядно пострадавший от вражеского обстрела «Московит» всеми возможными способами демонстрировал «незабудкам» свой нейтралитет, прикидываясь мертвым куском металла. Никто не мог бы сказать, поможет ли это им выжить или нет, но пренебрегать даже малюсенькой возможностью пережить этот ад было нельзя.

Палец, замерший у тревожно пульсирующего значка на тактическом экране, побелел от напряжения. Климат-система скафандра благополучно сдохла, и едкий пот вовсю заливал лицо и глаза. Звонарев держался из последних сил. Мертвая тишина, повисшая в посту, осязаемо давила на превратившихся в изваяния людей.

Они ждали...

И победа пришла на их улицу! Полностью деморализованные остатки вражеской эскадры порскнули во все стороны, точно напуганные тараканы. Никто из уцелевшего командования «демократов» больше не помышлял ни о каком сопротивлении. Все, о чем они сейчас мечтали, – это оказаться как можно дальше от взбесившихся порождений чужого разума.

«Незабудки» не преследовали их. Как раз в это время к трем первым звездолетам подошли еще два. Все вместе они перестроились, окружив израненный «Московит», те жалкие пару-тройку десятков истребителей и единственный легкий крейсер, которым посчастливилось уцелеть.

Долгие несколько минут русские напряженно ждали, что инопланетные корабли вот-вот атакуют их. Но... время шло, а орудийные башни «незабудок» молчали. Ни один выстрел так и не прозвучал, ни одна ракета не сорвалась со своих пусковых установок в сторону имперцев.

И тогда Надежин решился.

Его севший усталый голос разнесся по всем отсекам:

– Отбой... Всем отбой... Курс на базу...

Мощный взрыв ликования был ему ответом.

6

Звонарев быстро огляделся по сторонам, убедился, что за ним никто не подсматривает, торопливо перекрестился и решительно приложил ладонь к сканеру. Спустя пару секунд красный огонек на идентификационной панели сменил цвет на зеленый, и дверь поползла в сторону.

Егор перешагнул высокий комингс и очутился в святой святых: личной каюте командира. Точнее, в рабочем кабинете – спальня находилась в соседнем отсеке.

Капитан первого ранга, – правда, никто на флоте не сомневался, что вскоре его погоны засияют адмиральским золотом, – Александр Макарович Надежин сидел вполоборота ко входу за небольшим рабочим столом и сосредоточенно наговаривал что-то в микрофон, внимательно наблюдая за тем, как его слова преобразовываются в ровные шеренги аккуратных строчек на развернутом экране компьютера.

– Проходите, Егор Владимирович, – приглашающе указал он Звонареву на гостевое кресло, – я уже заканчиваю.

Капитан-лейтенант прошелся по мягкому ворсу ковра, изготовленного, судя по орнаменту, где-то в Азиатском секторе – скорее всего, на Дарджилинге, – и присел, чинно положив ладони на колени. Смотрел Егор строго перед собой, хотя безумно хотелось заглянуть через плечо командира и узнать, что за важная тема увлекла его. Звонарев пытался записаться на прием еще позавчера, но получил вежливый отказ «в связи с крайней занятостью».

Надежин тем временем перечитал последний абзац, удовлетворенно хмыкнул и прищелкнул пальцами, сворачивая монитор. Каперанг упруго поднялся с места, довольно потянулся, словно огромный пес, смешно встряхнулся, ожесточенно потер лицо и весело глянул на Егора.

– Уф, все-таки я ее добил!.. Ох, и занудное же это дело – отчеты писать!.. Никогда не рвитесь в начальники, капитан-лейтенант, а то бюрократия сведет вас с ума!.. – поучающе произнес он, прошелся по каюте, энергично размахивая руками и разминая затекшие мышцы. Наконец командир подошел поближе, повернул свое кресло к Егору и вальяжно развалился в нем, вытянув ноги. – Слушаю вас.

Звонарев собрался с духом.

– Александр Макарович, я хотел бы попросить вас перед началом разговора включить «глушилку». Поверьте, это действительно необходимо!

Каперанг удивленно взглянул на него. Естественно, личные покои командира практически на всех кораблях флота – за исключением разве что самых малых, – были оборудованы аппаратурой защиты от прослушивания. Но на практике она применялась весьма редко – безумцев, решившихся на столь отчаянный поступок, как шпионаж за «первым после бога», в случае разоблачения гарантированно ждал или военный трибунал с неизбежным смертным приговором, или «несчастный случай», если излишне любопытный принадлежал к СБ и пытался прикрыться служебным положением – флот рьяно стоял на защите своих прав, дарованных еще первым Императором. По крайней мере, так было до недавнего времени...

– Хм. – Надежин взглянул в сосредоточенное лицо Звонарева, его лихорадочно блестящие глаза, немного подумал и нехотя протянул руку к консоли. Несколько мягких прикосновений к клавишам, и Егор почувствовал, как защипало кожу – первый признак того, что он находится в радиусе действия поля «белого шума». – Слушаю, – сухо повторил командир.

– Как вы помните, господин капитан первого ранга, незадолго до выхода на перехват «незабудок» меня направили на Лазарус с целью получения необходимого для ремонта оборудования, – начал Егор.

– Издеваетесь, Звонарев? – с хищным интересом перебил его Надежин. – С каких это пор я должен помнить о таких мелочах? Этим у нас занимается милейший Александр Юрьевич! Или мне следует разъяснить вам функции командира?

Егор покраснел. Каперанг, разумеется, был стопроцентно прав – как гласила старинная флотская мудрость: «Командир живет для боя, а для всего остального есть старший офицер!»

– Простите, Александр Макарович! Конечно, вы правы. Просто... дело, которое заставило меня добиваться приема, непосредственно связано именно с этой командировкой, и я... Я хотел... – смешался Егор.

– Хватит соплей! Отставить! – бесцеремонно оборвал его жалкий лепет командир. – Вы боевой офицер или кисейная барышня? Извольте излагать свои мысли четко и по существу!.. Господи, а я еще подписал на него представление на кап-три и на «Владимира»... Куда только мы катимся? – Надежин сокрушенно покачал головой и обратил вверх мученический взгляд.

– Есть отставить! – встрепенулся Звонарев. Властный, уверенный тон каперанга заставил его встряхнуться. – Разрешить доложить? – Надежин благодушно кивнул. – Дело в том, Александр Макарович, что на Лазарусе произошло следующее...

Егор, окончательно собравшись с мыслями, изложил недавние события на планете, постаравшись не упустить ни одной важной детали. Это не заняло у него много времени – Звонарев нарочно не стал сбиваться на свои мысли по поводу произошедшего, решив ограничиться простой констатацией фактов. Ведь он, собственно, и пришел сюда затем, чтобы получить совет и поддержку человека, обладающего колоссальным опытом и знаниями всех потаенных, закулисных течений внутри самых влиятельных кругов Империи. Фамилия Надежиных являлась одной из первых при дворе, ее представителей можно было встретить и в главных штабах армии и флота, и в важных кабинетах наиболее значимых министерств. По сути, это был целый клан, ревностно следивший за тем, чтобы его виртуальные акции могущества котиrowались на негласной бирже власти очень и очень высоко. Но, самое главное, любой из представителей этой фамилии всегда стоял горой за людей, которых он считал принадлежащими к его «команде». Это был, если хотите, один из основополагающих принципов рода. И Егор сейчас отчаянно надеялся на то, что и он является для каперанга как раз таким «своим».

– Та-ак! – протянул командир, когда Звонарев окончил свой невеселый рассказ. Голос каперанга был обманчиво ласков и тих, но Егор с восторженным ужасом отметил, что Александр Маркович едва сдерживается. – Та-ак! Вот оно, значит, куда дело повернулось! А я-то, старый дурак, решил, что дядюшка мне об обычной мышинной подковерной возне толкует!.. Говоришь, твоих родителей в государственные преступники записали?! – Звонарев отчаянно закивал, решив не заострять внимания на том факте, что командир перешел в общении с ним на «ты». – Чудесно! Просто роскошно! Это Владимира Петровича-то!.. Нет, это уже переходит все границы – я сейчас же, слышишь, сейчас же свяжусь с губернатором и узнаю, что за хрень творится на Лазарусе! Это ж надо такое придумать!.. Да я сейчас Императору такую петицию отправлю! Да я... Хотя погоди, сделаем так, – спохватился Надежин. Вспышка гнева, вызванная неожиданной новостью, угасла в нем так же стремительно, как началась, и каперанг вновь превратился в прежнего холодного, просчитывающего все до самых мельчайших деталей офицера, политика и вельможу. – Ты сейчас иди к себе в каюту и обожди там... или погуляй где-нибудь в пределах корабля – в своем посту поскучай, что ли, а я пока сделаю пару звончков... – Александр Макарович задумчиво прищурился, напряженно размышляя о чем-то, и Егору очень захотелось поверить, что командир вытащит его родных из беды...

Сигнал вызова прозвучал, когда Егор без сил упал на койку, устав метаться по каюте загнанным зверем. Нет, сначала-то он, как и велел командир, отправился на свое рабочее место, но быстро понял, что в теперешнем состоянии только мешает дежурной вахте, и предпочел уйти. При звуках негромкой трели коммуникатора он резко сел и торопливо нажал на кнопку. Трехмерный экранчик развернулся, открывая взгляду нахмуренное лицо коман-

дира. Звонарев с холодной обреченностью, разорвавшей, казалось, душу напополам, мгновенно понял, что новости будут неутешительными.

– Зайдите, – коротко бросил Надежин и тут же отключился, не вдаваясь в подробности. Егор, застегнув непослушными пальцами верхние пуговицы кителя, торопливо шагнул за порог.

Каперанг ждал его стоя. Он настойчиво избегал встречаться с ним взглядом, и Звонарев, устав от тяжелого молчания, сам попросил:

– Да вы говорите, как есть, Александр Макарович, лучше уж сразу...

Надежин поднял голову и глухо произнес:

– Да, наверное, ты прав. Что ж, не буду тянуть кота за одно место, все равно не поможет. Крепись, сынок, твой отец, Владимир Петрович Звонарев казнен два дня назад по приговору военного трибунала!

Егор даже не сразу понял, о чем говорит командир. Слова его были настолько нелепы и бессмысленны, что просто не укладывались в голову – ну что за блажь, право, нести такую чушь? Ведь речь идет не о ком-нибудь, а об *отце*! Его родном отце! Какой еще военный трибунал?! Какая казнь?.. КАЗНЬ?!!

Очнулся Звонарев от резкого, противного запаха нашатыря – слабо оттолкнул чью-то руку, настойчиво совавшую ему под нос ватку, и постарался сфокусировать взгляд. Он полулежал в кресле, а роль медбрата при нем исполнял не кто-нибудь, а сам командир крейсера!

– Ну, слава богу, очнулся! Ну и напугал же ты меня, сынок, – стоял-стоял, и вдруг на пол бух, и готов – лежит и не дышит почти! – неловко проговорил Надежин. – Ты уж прости меня, Егор, за дурную весть...

И Звонарев с ужасом вспомнил все, что он услышал, прежде чем потерял сознание. Все, что хотел бы забыть как дурной сон! Глаза предательски защипало, а очертания предметов вдруг стали расплывчатыми. Он отвернулся, уткнулся лицом в мягкую обивку кресла и тяжело заплакал.

Надежин стоял возле него и грустно смотрел на то, как вздрагивают под форменным кителем острые, мальчишеские лопатки. «Совсем ведь пацан еще. Ему же вроде двадцать два или двадцать три только недавно минуло?.. А уже столько довелось хлебнуть – один из ветеранов! – с тоской думал он. – Эх, война! Как же быстро она добирается до ребятишек... Погоди-ка, а сам-то – мне ж недавно только тридцать семь стукнуло – а для всех уже словно глубокий старик!...»

– Прости, Егор, – глухо проронил каперанг, отворачиваясь, – прости, что принес тебе дурную весть. Но лучше уж от меня тебе это было услышать, чем от кого-нибудь чужого – кто не преминул бы твоим шоком воспользоваться. А таких сейчас, судя по всему, много найдется. Постарайся меня услышать, хорошо? – Надежин дождался, когда юноша перестанет всхлипывать и повернется к нему покрасневшим и слегка опухшим лицом, и продолжил: – Дело в том, что история с твоими родителями нынче событие не единичное. Пока мы сражались на передовой, в Империи стали завязываться в очень дурно пахнущий клубок такие дела, что с наскоку и не поймешь, откуда они берутся и кто за всем этим стоит. Можно только догадываться, что без поддержки в самых высших эшелонах власти не обошлось. Я не могу рассказать тебе подробности – уж извини! – но скажу только, что на всех, кто при старом Императоре имел хоть какой-нибудь, даже самый небольшой политический вес, развернута настоящая охота. Причем в ход идут самые грязные средства – провокации, доносы, сфальсифицированные улики. Метода одна: обвинение, арест, отправка на Церебрус – в какой-то сверхсекретный следственный изолятор, – а дальше... дальше тишина! Пока еще ни одного суда не было – ни открытого, ни закрытого, – это я совершенно точно знаю. И журналистам кто-то очень влиятельный внушительный такой замок на роток повесил – молчат, словно ничего особенного и не происходит. Будто все в порядке, словно так и должно быть, представляешь?! Нет, в самом

начале кто-то попытался в новостях репортажик выпустить, так этот информканал жандармы совместно с полицией так быстро и качественно буквально в блин раскатали, что теперь никто и пикнуть на сей счет не смеет!

– Но... Император... – несмело прошептал потрясенный услышанным Егор.

– Император! – хмыкнул Надежин. – Император мило улыбается дамам на приемах, торжественно прикалывает ордена на грудь отличившимся в боях офицерам и солдатам, гневно обличает в регулярных межпланетных обращениях к нации проклятых «демократов», погрязших во всех мыслимых и немыслимых грехах, разбивает бутылки с шампанским о борт новеньких кораблей, сходящих со стапелей... в общем, ведет тот образ жизни, который всем давно знаком и привычен. А что он думает о происходящих репрессиях – сие тайна великая есть! Мне при всей моей информированности так и не удалось выяснить, насколько он вообще в курсе этих трагических событий... – Каперанг замолчал, подошел к столу, плеснул в небольшие серебряные стопки темно-рубинового, остро пахнувшего дорогим ароматом вина из высокой узкой бутылки и протянул одну из стопок Звонареву.

– Погодите, – встрепнулся Егор, проглотив махом содержимое своего стаканчика, совершенно не почувствовав при этом вкуса выпитого, – но вы сказали, что всех обвиняемых перевозят на Церебрус – почему же моих... – его горло вновь перехватил спазм.

– Ты хочешь спросить, почему в таком случае твоего отца расстреляли? – грустно усмехнулся Надежин. – Объясняю: когда стало известно, что в систему вошли сразу несколько «незабудок» и на Лазарусе началась, чего уж там скрывать, откровенная паника, кто-то отдал приказ о немедленной казни всех проходящих по делам о государственной измене. То ли решили не заморачиваться с эвакуацией подследственных, то ли испугались, что они могут оказаться на свободе... в общем, темная история...

Звонарев ошеломленно молчал. У него в голове никак не укладывался тот факт, что, пока он летел на перехват чужакам, а после сражался с кораблями-диверсантами Демократического Союза, не жалея себя и защищая всех обитателей Лазаруса, какая-то мразь, засевшая на планете, решила покончить с его близкими! Выходит, что он сам и все его товарищи, сражаясь и умирая, дали палачам время хладнокровно уничтожить невинных людей – Егор упрямо отказывался даже в мыслях считать их виновными. Воистину жизнь выкидывает порой такие коленца, что в них даже при всем старании просто невозможно поверить!

– Другое дело, – негромко проговорил Александр Макарович, задумчиво разглядывая тонкий узор на своем стаканчике, – что, насколько я знаю, казнить успели не всех. – Звонарев вскинулся и с надеждой уставился на командира. – И вроде бы в числе уцелевших твоя мама, Егор! Я, естественно, направил соответствующий запрос нескольким знающим людям, чтобы они все проверили и перепроверили еще раз, и, надеюсь, скоро мы будем знать это совершенно точно. Причем я попросил не пересылать мне сообщение сюда – после разговора я обнаружил, что «Московит» находится под, *гм, пристмотром!*.. Взгляни, – Надежин подошел к выносному терминалу и развернул перед капитан-лейтенантом голоэкран. Умная техника со всей возможной четкостью представила им картинку парящего над планетой крейсера в сопровождении корабля-наблюдателя. Венчики его антенн лениво вращались с кажущейся небрежностью, но Звонарев примерно представлял – все же это был не совсем его профиль, – что сейчас все их линии связи находятся под самым пристальным контролем, и мощнейшие компьютеры готовы взломать даже закрытые сообщения, которые могут быть отправлены с борта крейсера по каналам как ближней, так и дальней связи.

А чтобы ни у кого на борту «Московита» не возникло искушение шугануть назойливого попутчика, рядом с серым шаром наблюдателя грозно ошестинились открытыми и изготовленными к бою орудийными и ракетными портами два фрегата ПКО.

– Они, видимо, засекли мою передачу и решили продемонстрировать свою силу, – невесело улыбнулся Надежин. – Так что рисковать мы не будем. Сделаем так: я выпишу тебе коман-

дировочные документы – основание придумай поубедительнее, – а на Лазарусе встретишься с нужным человечком, и он обрисует тебе ситуацию в деталях. Разумеется, когда он сообщит мне о том, что располагает необходимыми сведениями.

– Но ведь его засекут? – удивился Егор.

Каперанг в ответ хищно усмехнулся.

– Ты же не думаешь, что я настолько глуп, чтобы обсуждать такие вопросы в открытую? А с моим личным кодом им придется повозиться долго! Да и если они его взломают, я всегда привык говорить иносказательно, и за внешне невинными фразами только понимающий, о чем идет речь, человек сможет разобрать двойное дно. Подумаешь, богатый офицер обменивается информацией со своими биржевыми маклерами – что здесь такого? Имею я, в конце концов, право на конфиденциальность своих финансовых дел или нет, как ты считаешь? – Дождавшись согласного кивка Егора, Надежин довольно осклабился. – То-то! Так что сейчас отправляйся к себе, отдыхай и готовься помаленьку – я думаю, что к завтрашнему утру дело сдвинется с мертвой точки. Ни с кем пока не откровенничай, держи рот на замке. Вполне может такое случиться, что у нас на корабле пара-тройка «крыс» работает на жандармов – я сейчас предпочитаю перебдеть, чем наоборот... Да, и не вздумай раскисать, капитан-лейтенант! Все понимаю, но ты сейчас должен быть в форме – чего бы это ни стоило! Договорились? – В голосе командира гроыхнул металл, и Звонарев торопливо вскочил, вытянулся по стойке «смирно» и преданно выдохнул:

– Есть не раскисать, господин капитан первого ранга!.. В принципе, особого повода для командировки искать не нужно: я все равно собирался вниз, чтобы навестить семьи моих подчиненных – тех, что погибли в последнем бою. Вы же знаете, это традиция.

Александр Макарович рассеяно кивнул, размышляя о чем-то. Каждый член экипажа точно знал, что в случае его гибели непосредственный начальник, разумеется, если он сам будет жив, обязательно придет к его семье или родственникам, чтобы рассказать о том, как пал их близкий, передать им личные вещи и небольшой стяг – точную копию боевого знамени «Московита». Формула «Корабль – одна семья» соблюдалась на флоте неукоснительно.

– Да-да, у тебя, кажется, пятеро? – хмуро спросил каперанг и с неприкрытой горечью добавил: – И это еще нам повезло: на других кораблях, из тех, что уцелели, потери до семидесяти процентов доходят... Давненько мы так не огребали! Черт, я бы лучше поставил к стенке тех ублюдков, которые «демократов» прошляпили! Это ж надо такому случиться – три десятка чужих кораблей почти к самой планете подобралась! Чем, позвольте спросить, наши «слухачи» и патрульные были так заняты – онанировали на выступление стриптизерш?! Эх, да что там говорить! – Александр Макарович рубанул ладонью воздух и нервно прошелся по отсеку взад-вперед. – Значит, так, – он остановился и повернулся к Егору, – навестишь семьи – это, кстати, нам на руку: заставит возможных филеров попотеть, – постарайся побывать как можно в большем количестве самых разных мест и в одном из них, словно случайно, пересечешься с моим информатором. Я тебе перед вылетом сообщу, где именно и как он будет выглядеть. Ну, а после решим, что делать дальше, – найдешь меня в нашем всегдашнем заведении. Все, свободен!

Звонарев четко козырнул и стремительно вышел.

Каперанг проводил его взглядом, снова прошелся по каюте и, подойдя к терминалу, небрежно пробежался длинными гибкими пальцами музыканта по россыпи иконок, переключая картинку обзорных сенсоров. Миг – и перед ним предстали пять огромных кораблей, резко царапающих взгляд чужеродными обводами исполинских корпусов. Чужаки кружили над Лазарусом по самым причудливым траекториям и совершенно не обращали внимания на опасно сопровождающие их на почтительном расстоянии патрульные корабли имперского флота.

Надежин понаблюдал за «незабудками» некоторое время, задумчиво хмурясь, а затем тихонько прошептал себе под нос:

– Знать бы еще, что вам здесь понадобилось, «милые крошки», и можно ли вас как-то использовать?.. Ну почему же вы не отвечаете, что я делаю не так, а?..

7

У стыковочного шлюза Егор столкнулся с Лехой Вихровым. Долговязый лейтенант-истребитель курил возле утилизатора и с тоской наблюдал за тем, как старший офицер придирчиво осматривает собравшихся вниз, в увольнительную, матросов. По унылому выражению на лице пилота Звонареву сразу стало понятно, что Романовский сегодня не в духе и процедура выпуска продолжается уже довольно давно. Вахтенный офицер из штурманов, который, по логике вещей, должен был заниматься этим делом, стоял чуть поодаль, также получив, судя по мрачной гримасе, свою порцию люлей.

– Долбоклювы! Вы что же это себе позволяете, а? – обманчиво ласково вопрошал Александр Юрьевич, неспешно переводя прицельный взор с одного матроса на другого. – Разве непонятно, что именно сейчас вы должны быть просто-таки образцом военнослужащего, его светлым и высоким идеалом, ожившим на глазах у потрясенных сим чудесным фактом обывателей... А что я вижу? Стадо баранов, не заслуживающих даже того, чтобы принимать сходни на самом распоследнем прогулочном катере!.. Обделавшихся детишек, где-то укравших славные мундиры нашего доблестного флота!..

– Привет, давно ждешь? – поинтересовался Егор, здороваясь с Вихровым. Не то чтобы они дружили – все же авиагруппы на всех кораблях были отделены от экипажа и являлись независимым подразделением, – но пару раз сталкивались в офицерской кают-компании. И как-то так получилось, что случайно разговорились, обнаружили сходство взглядов по некоторым вопросам, отметили это дело «рюмкой чая» и с тех пор при встречах весьма мило раскланивались.

– Здорово! Да уже минут двадцать! – длинно сплюнул Вихров. – Что-то ваш цербер сегодня разошелся – троих матросиков уже восвояси за нарушение формы одежды отправил, а остальных драит с песочком так, что у них, того и гляди, мозги через уши ползут.

– На взводе он, – наметанным взглядом определил Егор. – Как бы вообще не сорвался, тогда точно всем чертям тошно станет!.. А что ты хочешь, после боя он за эти двое суток, помоему, и не ложился еще – сам знаешь, как нам досталось. А отвечает за все кто? Правильно, заместитель командира корабля! Так что стой себе, Леша, и не высывайся, а то и нам в момент полную корзину люлей подарит!

– Да уж, – посерьезнел истребитель, – огребли мы и в самом деле не по-детски. У нас в эскадрилье всего шесть машин в строю, а остальные в пыль... – Вихров скрипнул зубами. – Какие ребята были! – Он в две затяжки добил сигарету и тут же потянул из пачки новую. – А ты чего такой расфуфыренный? – поинтересовался он спустя пару минут, щелкнув ногтем по мелодично звякнувшим орденам на парадном мундире Егора. Звонарев удивился было столь резкой смене настроения у своего собеседника, но, приняв хавшись, безошибочно определил по густому «выхлопу», что Лешка изрядно подшофе.

– К семьям погибших иду, – нехотя ответил Звонарев. – Сейчас вот еще вестовой посмертные флаги принесет, и можно будет трогаться помаленьку.

Пилот понимающе кивнул.

– Знаешь, – неожиданно предложил он, – мне сейчас все равно делать нечего, а идти надираться в одиночку почему-то не хочется. Как ты смотришь, если я тебе компанию составлю? А потом можно вместе где-нибудь посидеть, помянуть и твоих, и моих...

Егор замаялся. С одной стороны, присутствие Вихрова делало посещение убитых горем родственников не таким тягостным, но с другой... с другой, на ум почему-то пришли слова Надежина о том, что в экипаже вполне могут оказаться «засланные казачки» из жандармского управления. Но вот только поверить в то, что кто-то из этих отчаянных ребят, идущих в бой на своих маленьких, вертких машинах, является стукачом... Да нет, это уже пахло паром.

нойей! На флоте была хорошо известна история, как однажды некий не в меру ретивый контрразведчик попытался «пришить дело» о шпионаже командиру сбитого над пограничной планеткой бомбардировщика. На вопрос о том, как же так получилось, что он остался жив, и не свидетельствует ли этот факт о том, что имелся предварительный сговор с врагом, пилот, успевший, по статистике, сделать под огнем планетарных средств обороны немногим более полутора десятков боевых вылетов, пришел в бешенство и пристрелил идиота на месте.

Что характерно, военный суд счел его поступок защитой собственной чести и достоинства и полностью оправдал подсудимого.

– Ладно, – решил Егор, – давай вместе. Только ты переоделся бы, что ли, а то неудобно получается – я в «парадке», а ты в повседневном. И ордена надеть неплохо было бы?

– Добро! – обрадовался Вихров. – Я мигом! Ты в случае чего меня обожди и прикажи пилоту челнока задержаться – пускай с наземным диспетчером свяжется и попросит посадочный коридор для нас придержать.

– Беги, беги, сам знаю, – подтолкнул истребителя Звонарев.

В ожидании приятеля Егор от нечего делать еще раз прокрутил в голове разговор с Надежиным. И неожиданно понял, что за мысль не давала ему все время покоя, ускользая от осознания. Фрегаты, внаглую присматривающие за крейсером! Ведь это вовсе не демонстрация силы, как сказал ему командир, – в конце концов, «Московит» даже при самом неудачном стечении обстоятельств способен перемолоть их за пару минут в салат, – а примитивная провокация! Вдруг-де у Надежина разыграются амбиции, и он прикажет отогнать настырных наблюдателей? А вот тогда у неведомого противника появится реальный шанс обвинить командира корабля в мятеже, что в условиях военного времени пахло безусловной и скорой веревкой!

Значит, Александр Макарович говорил о том, что их недоброжелатели чувствуют свою силу, демонстрируя желание и возможность пободаться с представителем достаточно известной и могущественной фамилии. Да-а... Но как быстро их враги отреагировали! Выходит, все это время крейсер находился под наблюдением, просто не столь явным. Егор почувствовал, что от этих мыслей начинает неприятно давить в области затылка и в висках.

От начинающейся мигрени его избавил Вихров. Леха появился настолько эффектно, что даже отнюдь не впечатлительный Егор малость пришалел. Из лифта, не торопясь, вышел офицер в синем парадном пилотском мундире с просто-таки ошеломляюще внушительным «иконостасом» боевых наград. Звонарев и не подозревал, что этот раздолбаистый выпивоха является георгиевским кавалером! И это помимо еще доброй дюжины боевых орденов, медалей и всевозможных знаков и нашивок. Среди них особо выделялся с виду вроде бы простенький, но ценившийся у пилотов ВКС неимоверно высоко знак «Красного круга», означавший, что в сфере досягаемости его обладателя противник будет гарантированно уничтожен. Разумеется, противник, равный по классу – смешно было бы думать, что истребитель-перехватчик способен завалить, к примеру, линкор. Но об этом-то отличии приятеля Егор, конечно, знал – об этом все знали!

Вихров, довольный произведенным эффектом – матросики так и замерли с отвисшими челюстями, а битый волк Романовский поперхнулся соленым словом и уважительно цокнул языком, – вразвалочку прошелся перед строем, подошел к Егору и только тогда засмеялся, встряхнулся и вновь стал прежним балагуром и пофигистом.

– Ну как, мы едем или нет? – ухмыляясь, осведомился он и нахально расстегнул форменный галстук и сразу две верхние пуговицы. – Ненавижу эту удавку! – пожаловался Лешка, озабоченно растирая шею ажурным шелковым платком.

Звонарев встретился взглядом с наблюдающим за ними с явным неодобрением кавторангом и, в свою очередь, чуть приподнял брови. Александр Юрьевич, поняв его безмолвный вопрос, нахмурился, но все же негромко рыкнул, разрешая матросам занять места в ожидающем челноке, и пошел по коридору, независимо заложив руки за спину. Егор благодарно

улыбнулся ему вслед и, ухватив за руку потянувшегося было за очередной сигаретой Вихрова, направился к шлюзу. Тем более что шлявшийся невесть где вестовой – засек, поди, мерзавец, буйствующего Романовского и спрятался от греха подальше! – соизволил наконец появиться и передать пакет с аккуратно сложенными флагами.

Оказавшись на базе, приятели быстро миновали КПП по офицерскому коридору – Лешка, получив замечание, нехотя привел форму в порядок, – вышли на улицу, где и остановили такси. Звонарев назвал водителю первый из адресов, куда им предстояло попасть, и откинулся на кожаном сиденье, задумчиво разглядывая пейзажи за стеклом. Вихров, устроившийся рядышком, также перестал нести всякую легкомысленную чушь и жадно прилип к окну.

Егору было грустно. Он печально вспоминал, как несколько дней назад ехал этой же дорогой, но с совершенно другим настроением и мыслями. И вдруг все так резко перевернулось с ног на голову!

Рядом завозился Алексей. Из внутреннего кармана мундира он извлек небольшую, граммов на двести, плоскую фляжку в красивом чехле с рельефной и многоцветной эмблемой ВКС, отвинтил крышку – по салону поплыл запах дорогого коньяка – и протянул ее Звонареву. Егор отказался – приходить в дом, где царит атмосфера траура, в неподобающем виде он не хотел.

– Была бы честь предложена, – равнодушно обронил Вихров и приложился к фляге. Сделал пару больших глотков, с сожалением потряс опустевшую емкость, приладил крышку и убрал фляжку на место. – Знаешь, – произнес он неожиданно трезвым голосом, глядя строго перед собой, – мне однажды нагадали, что я погибну не в небе, а на земле. Я сначала смеялся над этим, а потом как-то свыкся. В бой иду – и все мне до лампочки, вроде как заговоренный я, бессмертный!

А в последний раз, когда нам приказали прикрыть крейсер и мы вывалились навстречу «демократам», я вдруг почему-то решил, что все... хана! Жуткая рубка была, настоящий ад! Я такого еще не видел, хотя воюю, кажется, целую вечность и прошел вроде через огонь и воду. Ведомый мой, Сашка Крусске, из чистокровных прусских баронов, между прочим, вояка в черт знает каком поколении, настоящий ас, нарвался на заградительный огонь с линкоров, но погиб не сразу – его «ястребок» потерял ход и кувыркался к планете, пока не сгорел в атмосфере. А катапульту, видать, у него заклинило. И он все это время в эфир хрипел – ранен, наверное, здорово был, кибер его наркотой по самые брови накачал, и он нам стихи на немецком читал... – Глаза Вихрова лихорадочно заблестели. – Что я его матери скажу?! Как объясню, что не уберег, не сохранил?!

– А ну успокойся! – прикрикнул на разошедшегося пилота Звонарев. – Что ты воешь, как баба, думаешь, только тебе хреново было?

– Да не в этом дело, – горячо зашептал Вихров, наваливаясь на его плечо. – Понимаешь, я едва не отвернул, когда нас эсминцы гонять начали. Чуть своих не бросил и не сбежал! Представляешь?! И это после Даркана, Экстола, Райджа! Я ведь ни разу – слышишь! – ни разу не струсил, а тут... – Лешка обмяк. – Лечу и понимаю, что уже в прицеле нахожусь, комп орет, требует маневр уклонения выполнить, а у меня внутри все будто закаменело – ни пошевелиться, ни дернуться... И тут Валька Рогов – он к нам только-только пришел, зеленый совсем! – наперерез кинулся и меня своей машиной прикрыл... Я ведь лидера группы исполнял!

Звонарев с оторопью слушал приятеля. Раньше ему казалось, что пилоты – это существа без нервов, привыкшие к тому, что постоянно ходят по лезвию косы одной малосимпатичной костлявой старухи, и потому не боящиеся ни черта, ни бога. А на поверку выходило, что и их перетирает страшная мясорубка войны, выпивая душу и иссушая чувства. И все бахвальство, задиристость и взгляды свысока «суперменов» с серебряными значками-крылышками на рукавах – это только защитная маска, призванная скрыть нечеловеческую усталость и пустоту внутри.

– Ты просто устал, – успокаивающе сжал он плечо Алексея. – Просто устал!.. Мы все устали – не успели из похода прийти, а тут снова все завертелось – вот ты и поплыл малость. Тебе сейчас надо еще вмазать, а после к девкам завалиться, и все будет нормально. Слышишь?

– Да херня все это, – безжизненно проронил Вихров и закрыл глаза, откидываясь на мгновенно принявший удобную форму подголовник. – Просто хер!.. ня!.. Толкни меня, как приедем, – попросил он после небольшой паузы и тут же захрапел.

Дальнейшие события вряд ли могли порадовать разнообразием. Офицеры приходили в семьи черными вестниками, принося с собой горе и слезы, крики и проклятия, отчаяние и ужас. Обоим было не по себе, и каждый из них с радостью избежал бы этой страшной церемонии, но долг требовал отдать последние почести павшим воинам. И они, сцепив зубы, вновь стучались в двери, и смотрели в мгновенно бледнеющие лица, вновь произносили казенное «ваш муж!.. ваш сын!.. ваш брат!..», вновь набирали номер ближайшей больницы и вновь тяжело курили на улице...

Правда, в одном из домов они столкнулись с совсем другим приемом. Еще в коридоре, у распахнутых настежь дверей квартиры, где проживала семья мичмана Толубеева, их неприятно поразила разухабистая, плещущая весельем и неимоверной громкостью музыка и устойчивое, застарелое амбре дешевого наркотика, вина и сигарет.

На пороге торчали какие-то субъекты, загораживающие проход, но Звонарев, стиснув зубы, попер прямо на них, твердо решив узнать, что здесь происходит. Вихров, брезгливо озиравший загаженный коридор, правда, засомневался, по тому ли адресу они прибыли, и Егору пришлось притормозить.

С трудом добившись от двух обдолбанных вусмерть существ непонятного пола подтверждения, что он попал правильно, Егор брезгливо отшвырнул нарков с дороги и вошел внутрь. Сзади его прикрывал разом насупившийся Лешка. Приятели миновали гостиную, наполненную уже знакомыми клубами вонючего дыма, приторными запахами дешевой выпивки, потными телами, извивающимися под рваный ритм гитар и грохот барабанов в мятущихся лучах музыкального голопроектора. Спрашивать что-либо у потерявших чувство реальности «зомби» офицеры не стали и просто отправились методично обыскивать всю квартиру.

Хозяйка обнаружилась в спальне в объятиях совсем еще зеленого юнца с разноцветными волосами и многочисленными татуировками-хамелеонами по всему телу – последним писком молодежной моды. Звонарев, весьма уважавший и ценивший скромного и очень ответственного покойного мичмана, мгновенно пришел в ярость и с бранью набросился на опешившую женщину. Лешка с веселым восторгом смотрел на то, как его доселе невозмутимый приятель кроет трехэтажным матом глупо хлопающую глазами куклу, стыдливо натягивающую на себя заляпанную несвежую простынку, попутно гоняя пинками по комнате отчаянно визжащего сопляка.

Сунувшихся было на шум двух аборигенов – Вихров еще успел искренне удивиться, как эти уроды смогли что-либо расслышать в таком бедламе, – Звонарев встретил угрюмым зрачком офицерского лучевика и, запаленно дыша, посоветовал не лезть не в свое дело. Незнакомцы оказались непонятливыми – а может, просто под кайфом, – и полезли защищать приободrivшуюся при их появлении и визгливо заголосившую хозяйку.

Пришлось вразумить дурачков.

А потом еще нескольких их приятелей.

И еще!..

В общем, вырвались они из притона не то чтобы побитыми, – все же подготовленный офицер мог вполне постоять за себя в драке даже с несколькими штатскими и без помощи оружия, – но пара-тройка ссадин имелась, да и разбитые в кровь кулаки противно саднили.

– Нет, ты видел! – продолжал возмущаться и в лифте Звонарев. – Пока муж честно воевал, эта сука здесь веселый дом устроила, с наркотой, хахалями, песнями и танцами! И вот ей я

должен был сейчас соболезнования приносить, успокаивать, флаг на прощание торжественно вручить!.. Тьфу, мразь!.. Жаль, я ее не пристрелил!

– Зато пар выпустили! – невпопад его словам, радостно осклабился Вихров, но тут же зашипел, будто рассерженный кот, и принялся осторожно промокать разбитую губу. – А я этой жабе успел пару раз по хारे съездить! – похвастался он.

Егор ожег его возмущенным взглядом, но промолчал и отвернулся. На улице он спросил у тревожно озирающегося водителя такси аптечку и воды и постарался привести себя в порядок. Лешке было проще – на его темно-синем мундире кровь была не так заметна, как на белой флотской парадке Звонарева.

– Ты не волнуйся, – успокоил настороженно наблюдающего за их действиями водителя пилот, – мы никого не убили. Просто дали по ушам одной ублюдочной шлеп-компании, и только. Сейчас по последнему адресу сгоняем, отвезешь нас в кабак, и все, можешь быть свободен... Да не криви ты рожу, не обидим!

– Ага, только мне потом машину от крови отмывать, – угрюмо пробурчал таксист, тяжело вздохнул и сел за руль.

Вовремя, потому что именно в этот момент из дверей подъезда вылетели несколько взъерошенных и орущих что-то бессвязно угрожающее личностей, весьма нетвердо стоявших на ногах. Завидев офицеров, они бросились к ним с явным намерением продолжить выяснение отношений.

– Второй раунд, – нехорошо ухмыльнулся Звонарев. – Только вот сейчас мне уже не хочется руками-ногами махать! – Капитан-лейтенант решительно цапнул кобуру и вытащил лучевик.

– Егор! – предостерегающе крикнул истребитель. – Только без трупов, а то замучаемся отмазываться.

Звонарев нетерпеливо отмахнулся.

– Итак, господа, кто первый? – с иронией осведомился он у нерешительно замерших при виде оружия скандалистов. – Не стесняйтесь, прошу вас! – Он приглашающе повел стволом.

– Да врежьте ему кто-нить, он Сеньку, гад, покалечил! – раздался вдруг откуда-то сверху визгливый женский вопль. Вихров задрал голову. Из окна далеко высунулась полуголая «вдова». Она яростно размахивала руками и злобно выкрикивала всевозможные грязные ругательства. Ее защитники «чести и достоинства», получив неожиданную моральную поддержку, приободрились и угрожающе заворчали. Один из них нашарил на земле обломок кирпича и под шумок запустил его в сторону офицеров, целясь в отвлекшегося Звонарева, а остальные тем временем бросились вперед. Егор чудом увернулся, мгновенно вызверился и, уже не раздумывая, полоснул короткой очередью под ноги дебоширам. Судя по пронзительному, какому-то пороссячему визгу, одному из них все же перепало! Его товарищи мгновенно шарахнулись назад, в подъезд, бросив раненого на произвол судьбы.

– И это правильно, – презрительно улыбнулся Егор им вслед, пальнув вверх пару раз для острстки. – Ну, кому там еще хочется получить?! – заорал он с вызовом. В ответ с шумом захлопнулось окно, крики прекратились, и дом замер, будто вымер. Только неудачливый мститель тихонько и жалобно скулил, держась за обожженную лодыжку и глядя на офицеров расширенными, испуганными глазами. Похоже, он в один миг протрезвел и осознал, в какой заднице очутился.

– Давай, налетай, – зло хохотал каплей, – куда ж вы все подевались?! У меня тут каждому подарок найдется – подходите, не пожалеете!

Вихров прислушался. Где-то неподалеку завывали сирены полицейской машины.

– Садись, Егор, – подтолкнул он Звонарева, – надо сматываться – похоже, кто-то из соседей легавых вызвал. А нам с тобой только и радости сейчас, что объяснять, почему мы тут

стрельбу затеяли. Все равно никто правду не скажет, а наоборот, нас же еще и виноватыми сделают!

– Вот уроды, – матернулся каплей, забираясь в салон, – пока мы этих клоунов гоняли, ни одна тварь рыла своего не показала, а теперь, смотри-ка, осмелели! Они б лучше на этот притон наряд навели – сто к одному, что не первый день гульба здесь идет.

– Да будет тебе, неужели не видишь – райончик-то еще тот, – заметил Вихров. – Не удивлюсь, если половина обитателей этого шалмана как раз и является теми самыми соседями. Поражаюсь, как твой мичман здесь оказался. Неужто вам, флотским, настолько убогое жалование платят, что ничего поприличнее из жилья нельзя было подобрать?

Звонарев поморщился. Лешка был прав на все сто процентов – его и самого неприятно поразила убогость квартала, неопрятные кучи мусора возле грязных домов, стайки оборванных детей, настороженно провожавших их из подворотен подозрительными, злыми взглядами, ржавые остовы машин по обочинам. Егор и сам уже задавал себе вопрос, как его подчиненного занесло в эту клоаку, но вразумительного ответа он для себя не нашел и потому постарался просто выкинуть из головы этот неприятный инцидент. Тем более что мичману Толубееву, попавшему под удар протонной торпеды, уже было, в общем-то, все равно...

Побывав в последнем доме, приятели вновь забрались в такси и облегченно перевели дух. Самая тяжелая часть их программы закончилась, и теперь можно было подумать о том, куда направиться, чтобы промочить горло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.